

НИК ПЕРУМОВ

ВЕРА КАМША • ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЪКО • ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

АНАСТАСИЯ ПАРФЕНОВА • КАРИНА ШАИНЯН

МАЙК ТЕЛПРИН • ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН

НИКА БАТХЕН • ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО

АЛЕКСАНДР И АЮДИЛА БЕЛАШ

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

МАРИНА ДРОБКОВА

АНДРЕЙ КОКОУЛИН

ИГОРЬ МИНАКОВ

ЭЙЛАН О'КОННОР

ЭБЛАР САФИН

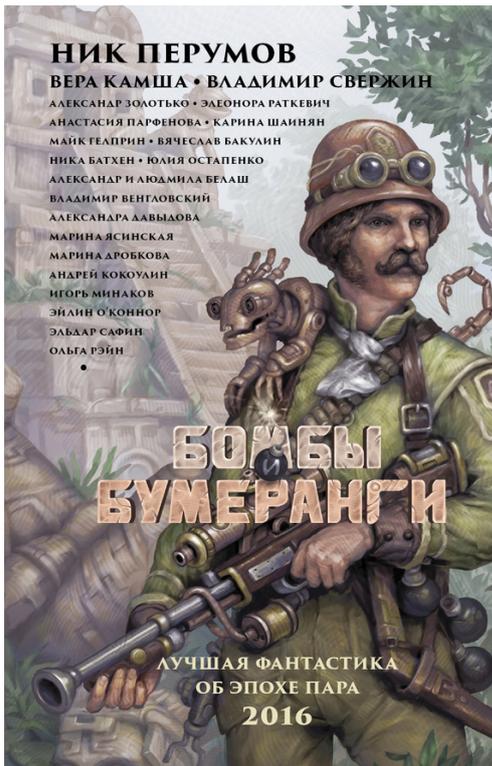
ОАЛГА ГЭЙН

БОМБЫ БУМЕРАНГИ

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА

ОБ ЭПОХЕ ПАРА

2016

**Александр Карлович Золотько
Александр Маркович Белаш
Юлия Владимировна Остапенко
Вера Викторовна Камша
Майк Гелприн
Эйлин О'Коннор
Андрей Кокоулин
Элеонора Генриховна Раткевич
Вячеслав Бакулин
Владимир Венгловский
Марина Дробкова
Эльдар Сафин
Марина Леонидовна Ясинская
Карина Шаинян
Ника Батхен
Ник Перумов
Ольга Рэйн
Владимир Свержин
Александра Давыдова
Людмила Владимировна Белаш
Анастасия Геннадьевна Парфенова
Игорь Валерьевич Минаков
Людмила Демина
Бомбы и бумеранги (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12261859

Бомбы и бумеранги : [фантастические повести, рассказы] / составители Вячеслав Бакулин,

Людмила Демина: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-093414-0

Аннотация

Там, где волнуется безбрежная гладь морей или зеленое море джунглей...
где песчаные барханы встают, как горы, а горы царапают вершинами небеса...
где нищета и несправедливость засасывают жертвы вернее, чем самая бездонная трясины,
и вся ярость смерча ничто по сравнению с яростью человеческой...
там и только там, – на фронтире, в Диком Поле, под чужими небесами, – «сейчас»
рождается в яростной схватке между «завтра» и «вчера».
Метрополии или колонии? Наука или магия? Бомбы или бумеранги?
Экспансивно! Экзотично! Экстраординарно!
А впрочем, посмотрим, что об этом напишут в «Таймс»...

Содержание

Ник Перумов	5
Эльдар Сафин	47
Ника Батхен	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Бомбы и бумеранги (сборник)

© В. Бакулин, Л. Демина, составление, 2015

© Бакулин В., Батхен Н., Белаш А. и Л., Венгловский В., Гелприн М., Давыдова А., Дробкова М., Золотько А., Камша В., Кокоулин А., О'Коннор Э., Минаков И., Остапенко Ю., Парфенова А., Перумов Н., Раткевич Э., Рэйн О., Сафин Э., Свержин В., Шаинян К., Ясинская М., 2015

© ООО «Издательство АСТ, 2015

* * *

Ник Перумов Молли из Норд-Йорка

1

Трубы, изрыгающие черный дым, низкие облака – дымные столбы упираются в серую крышу, словно поддерживая. Облака переваливают через острые грани хребта Карн Дред, спускаются вниз, в долину, к берегам широкой Мьер. Река впадает в Норд-Гвейлиг, Северное море, а возле самого устья раскинулся Норд-Йорк.

Это он дымит трубами, сотрясает ночь фабричными гудками. Это в его гавани стоят низкие и длинные дестроеры с крейсерами, и здоровенные многотрубные купцы, и скромные каботажники. От порта тянутся нити рельсов к складам и мастерским, казармам и фортам.

Дышат огнем топки, жадно глотая черный уголь. Клубится белый пар вокруг напряженных, словно перед прыжком, локомотивов; и породистые, словно гончие, курьерские; и пузатые двухкотловики, что тянут с Карн Дреда составы со строевым лесом, рудой, особо чистым углем, который единственный годится для капризных котлов королевских дредноутов.

Корабли увозят все это добро и из порта. Уползают, словно донельзя сытые волки от добычи.

Улицы в Норд-Йорке, в нижней его части, узкие, словно ущелья. По дну их пыхтят паровички, тащат вагонишки с фабричным людом, развозят грузы. Дома тут высоченные, в полтора десятка этажей и даже того выше. Окна узкие и тусклые, хозяйки не успевают отмывать стекла от сажи. В коричневых ящиках под окнами – отчаянно тянутся к свету узкие стрелки лука. Без лука никак – зимой в Норд-Йорке частенько гостит цинга.

Выше по течению и по склонам берега улицы становятся шире, дома – ниже. Здесь народ одет лучше, больше пабов, кофеен и лавочек. Здесь живут лучшие мастера, инженеры, офицеры королевского гарнизона, механики и машинисты бронепоездов, прикрывающих шахты, карьеры и лесопилки на склонах Карн Дреда.

И еще здесь, на Плэзент-стрит, 14, живет доктор Джон Каспер Блэкуотер с семьей. Доктор Джон работает на железной дороге, пользуясь путевых рабочих и обходчиков, смазчиков, стрелочников, семафорщиков, телеграфистов, он вечно в разъездах на мелкой своей паровой дрезине – паровоз с полувагоном, где есть операционная, где можно принять больного и где в узком пенале купе спит сам доктор, когда не успевает за день вернуться обратно в Норд-Йорк.

– Фанни! Скажи маме, что я дома!

Молли Блэкуотер, двенадцати лет от роду, захлопнула дверь, помотала головой под низко надвинутым капюшоном. На улице валил снег. Через Карн Дред перевалила очередная масса облаков.

Фасад у таунхауса семьи Блэкуотеров узок, всего два окна с дверью. За парадными дверями – длинный холл, дальше – гостиная, столовая с кухней. Слева от холла – папин кабинет. Он такой маленький, что там почти ничего не вмещается, кроме книжных шкафов да письменного стола. Тем не менее папа там тоже принимает больных – ну, когда оказывается дома.

Мебель в доме доктора Джона Каспера Блэкуотера темная, основательная, дубовая.

Молли наконец справилась с плащом и капором. Фанни, служанка, уже, по моллиному мнению, ужасно-преужасно старая, ей ведь уже тридцать пять лет! – появилась из глубины дома, приняла заснеженную пелерину.

– Ботики, мисс Молли. Смотрите, сейчас лужа натечет. Матушка ваша едва ли будет довольна.

– Не ворчи, – засмеялась Молли, скинула как попало теплые сапожки и устремила мимолетно горничной к лестнице на второй этаж, лишь на миг задержавшись перед высоким, в полный рост, зеркалом. Кашлянула – она всегда кашляла, когда зимой над городом скапливался дым от бесчисленных плавилен, горнов и топков.

В зеркале отразилась бледная и тощая девица, с двумя косичками и вплетенными в них черными лентами. Курносая, веснушчатая, с большими карими глазами. И, пожалуй, чуточку большеватыми передними зубами. В длинном форменном платье частной школы миссис Линдгроув, южанки аж из самой имперской Столицы, – платье темно-коричневом с черным же передником и в черных же чулках.

Внизу – слышала Молли – Фанни потопала на кухню. Мама, наверное, где-то там. Молли сейчас приведет себя в порядок и спустится. Правила строгие – не умывшись, не смыв с лица угольную копоть, что пробирается под все шарфы и маски, нельзя появляться перед старшими.

Фанни, понятное дело, не в счет. Она прислуга. Перед ними можно.

Младшего братца Уильяма, похоже, еще не привели домой с детского праздника. Ну и хорошо, не будет надоедать, вредина. Всего семь лет, а ехидства и вредничести хватит на целую дюжину мальчишек.

Молли распахнула дверь своей комнатки – как и все в их доме, узкой и длинной, словно пенал. Окно выходило на заднюю аллею, и девочка не стала туда даже выглядывать. Мусор, какие-то ломаные ящики, конский навоз и еще кое-кто похуже – чего туда пялиться? Приличные люди – и приличные дети – там не ходят.

В комнатке всего-то и помещалось, что умывальник, шкаф, узкая кровать да небольшой стол у самого окна. Книжки, карандаши, машинка для их точки, резинки всех мастей и калибров. Огромная готовальня. Рисунки.

Рисунки были повсюду. На кроватном покрывале, на столе, под столом, на стуле, на шкафу, под шкафом – и, разумеется, покрывали все стены.

Но если кто думает, что юная мисс Блэкуотер рисовала каких-нибудь единорогов, пони, принцесс или котят с мопсами, он жестоко ошибается.

На желтоватых листах брали разбег невиданные машины. Извергали клубы дыма паровозы. Поднимали стволы гаубиц бронепоезда. Под всеми парами устремлялись к выходу из гавани дестроеры.

Пейзажи Молли не интересовали. Впрочем, как и люди. Да и машины на ее рисунках были не просто машинами – а их планами. Детально и тщательно вычерченными, проработанными по всем правилам. На столе, прищипленный, ждал ее руки очередной механический монстр – уже неделю Молли, высунув от старания язык, пыталась изобразить сухопутный дредноут, бронепоезд, которому не нужна будет железнодорожная колея.

Поплескав в лицо водой и сменив форменное платье на домашние фланелевую рубашку и просторные штаны, Молли устремила обратно на первый этаж.

Отвоевать право ходить так дома стоило ей нескольких месяцев скандалов и ссор, пока папа наконец не сдался.

– Здравствуйте, мамá. – Молли склонила голову.

Мать стояла посреди гостиной, в идеальном серо-жемчужном платье, скромном, но, по мнению Молли, в таком можно было хоть сейчас отправляться на королевский прием в Столице. Волосы стянуты на затылке в тугой узел, взгляд строгий.

– Молли. – Мама ответила легким кивком.

– Позволено ли будет мне сесть?

– Садитесь, дорогая. Папа задерживается, как всегда, так что обедать будем без него, когда вернутся Джессика и Уильям. Не сутультесь, дорогая. Осанка, девочка, осанка! И руки, Молли, где твои руки? Где и как держат руки приличные, хорошо воспитанные мисс?

– Простите, мама... – Молли поспешно развернула плечи, сложила руки на коленях.

– Вот так, дорогая. Хорошие привычки надлежит прививать с детства. Итак, милая, как дела в школе?.. Молли, не спешите, не глотайте окончания слов и не начинайте фраз со слова «потому». Прошу вас, золотко, я слушаю.

* * *

– Гляди, Молли, «Даунтлесс»! «Даунтлесс» пошел!

– Ничего подобного, – фыркнула Молли. – «Даунтлесс» с одним орудием, носовым. Это «Дэринг». Пушку на корме видишь? Двенадцатифунтовка. Недавно только поставили.

– Все-то ты знаешь, – обиженно прогундел рыжий мальчишка с оттопыренными ушами. Он и Молли сидели на карнизе высоко поднимавшегося над гаванью старого маяка. Маяк уже не работал – вместо него построили новый, вынесенный далеко в море.

– Разуй глаза, Сэмми, – отрезала Молли, – и ты все знать будешь. «Даунтлесс», «Дэринг» и «Дефенсив» – три систершипа. Только что пришли с Севера. С канонеркой «Уорриор».

– Эх, хоть одним бы глазком увидеть, – вздохнул Сэмми, – как они там, за хребтом, по берегу бьют...

Да. Хребет Карн Дред был северной границей Империи. За ним тянулись бескрайние леса, как далеко – не сказал бы ни один имперский географ. Когда-то давно страна, где жила Молли, была островом. Бриатанией. Но потом – потом случился Катаклизм. Тоже очень, очень давно. И остров сделался полуостровом. Пролегли дальние дороги, зазмеились реки, озера раскрыли внимательные глаза.

И туда, за острые пики Карн Дреда, пришли невиданные раньше тут жители. Жители с непроизносимым именем Rooskie.

Молли вздохнула, поглубже натянула настоящий машинистский шлем. Его ей подарил папа, а ему он достался от механика, которому папа спас ногу, пробитую круглой пулей из додревнего мушкета этих самых Rooskies.

Порыв ветра швырнул в лицо жесткую снежную крупу пополам с угольной гарью; рыжий Сэмми чихнул, Молли закашлялась, заморгала, поспешно опуская на глаза здоровенные очки-консервы. Очки тоже подарил папа. Такими пользуются путевые обходчики на самых глухих ветках, подходящих к отдаленным карьерам и лесопилкам.

Сэмми глядел на подругу с неприкрытой завистью. Конечно, на Молли теплая кожаная курточка на меху, исполосованная застежками-молниями, штаны из «чертовой кожи» со множеством карманов, высокие ботинки с пряжками. В школе приходилось носить форму, но в прогулках по городу мама Молли уже не ограничивала. Особенно сейчас, гнилой зимой.

Сам же Сэмми дрожал в худом и явно тонковатом пальто, истертом на локтях почти до дыр. Ботинки тоже вот-вот запросят каши, а клетчатые брюки – испещрены заплатами.

Сэмми жил «за рельсами» – за Gearшифт-стрит, по которой к порту, заводам и вокзалу ходил паровичок. На Gearшифт кончался «приличный», как говорила мама, район и начинались кварталы «неудачников», как говорил папа. «Впрочем, – добавлял он неизменно, – лечить их все равно надо. Таков долг врача, не забывай об этом, Молли, дорогая».

Ни мама, ни папа Блэкуотеры не одобрили бы пребывания их дочери в компании мальчишки «с той стороны». Впрочем, Молли уже успела усвоить, что рассказывать и делиться надо далеко не всем. Даже с родителями. И особенно – с родителями.

– А моего папку отправили сегодня, – сказал Сэмми, провозжая взглядом «Даунтлесс», который на самом деле «Дэринг». – Новую ветку тянуть. Через ущелье Кухир.

– Кухир? – удивилась Молли. – Это же... на ту сторону!

– Ага, – Сэмми шмыгнул носом. – А там эти... Rooskie.

Ага, подумала Молли. Rooskies очень не любили, когда на их границах начинали рубить лес, засыпать овраги, строить мосты через горные реки или пробивать тоннели.

– «Геркулес» отправили их защищать, во! – нашел наконец Сэмми повод для оптимизма.

– «Геркулес»?! Во здорово! – искренне восхитилась Молли. – Эх, жаль, я не видела...

– Ночью уехали, – чуть снисходительно сказал Сэмми. – Вы ж еще спите в такую рань. Только мы встаем, заводские.

– И «Гектор», наверное?

– Не, «Гектор» по-прежнему в ремонте. – Сэмми с важным видом почесал нос. – Не починили еще. «Геркулес» один отправился.

«Геркулес» был самым большим и мощным бронепоездом в Норд-Йорке. Два двухкотловых паровоза, самых сильных, что производили заводы Империи, шесть боевых броневозов, два вагона-казармы, вагон-штаб с лекарской частью; Молли безошибочно перечислила бы количество и калибры всех до единого пушек и пулеметов, которыми щетинилась бронированная громада, сейчас, знала она, выкрашенная в смесь грязно-серых и грязно-белых изломанных полос.

Ходила с «Геркулесом» всегда и малая бронелетучка с краном и запасными рельсами-шпалами, на случай, если какая-то досадная причуда судьбы повредит пути. Зачастую страховать гиганта отправляли и старенький заслуженный бронепоезд «Гектор», пускали вперед, отчего тот и претерпевал регулярно всяческий ущерб.

Но на сей раз «Геркулес» отправился один. Значит, дело действительно срочное.

Молли не успела обдумать все это, потому что в порту заревел гудок. Два буксира осторожно тянули к причалам низко сидящую громаду «Канонира», тяжелого монитора береговой обороны. Он ушел из гавани четыре дня назад и – говорил папа за ужином – не ожидался раньше, чем через две недели.

Что-то и впрямь случилось.

– Молли, ты глянь! – аж задохнулся рядом Сэмми.

Солнце скрывали низкие тучи, к ним примешивалась всегдашняя дымка, висевшая повсюду в Норд-Йорке, сыпала снежная крупа, но Молли все равно отлично видела, что монитор сидит в воде почти по самую палубу, куда глубже, чем полагалось. Увидела следы гари на серых боках рубки и боевой башни с торчащими жерлами четырнадцатидюймовых орудий. Сбитые ограждения мостика, отсутствующие стены и леера; из окрестностей трубы исчезли выгнутые раструбы воздухозаборников, без следа сгнули оба паровых котла. Нет и пары скорострелок правого борта («QF орудие Mk II калибром 4⁵/₈ дюйма, длина ствола 40 калибров, вес снаряда 45 фунтов», – тотчас произнес голос у Молли в голове) – на их месте выгнутые и перекрученные полосы металла, словно зверь драл лапами древесную кору.

Что случилось? Почему? У Rooskies же нету тяжелых пушек! Да и выглядел бы монитор после артиллерийского боя совершенно иначе.

Они смотрели на медленно проплывающую громаду. А это что еще такое?

– З-зубы как б-будто? – Сэмми широко раскрыл глаза.

И точно. Кормовую надстройку наискось прорезало нечто навряде когтистой лапы, а на крыше ее четко отпечаталась огромная челюсть, словно волчья или медвежья.

– Молли, что это?

– Осколки, наверное, – неуверенно предположила та. – Мина могла взорваться, в минном аппарате, например, у дестроера рядом... осколки разлетаются, а если, скажем, еще и мачта упала как-нибудь неудачно...

– Не, Молли. – Сэмми стучал зубами от страха. – В-волшебство это, Молли, точно тебе говорю!

– Тише ты! – оборвала его девочка. – Даже вслух такого не произноси!

Магия – страшное дело. Магия – ужас и проклятие Норд-Йорка, как и всей Империи. Магия появилась после Катаклизма, как, откуда, почему – никто не знал. Или, может, знал, но детям, даже таким, как Молли, из приличных семей, ничего не говорили.

Магия не поддавалась контролю. Ею нельзя было управлять. Ее не нанесешь на чертежи, не рассчитаешь на логарифмической линейке или даже на мощном паровом арифмометре. Она приходит и властно берет подданного ее величества королевы за горло, и остается...

И не остается ничего.

Нет, сначала все хорошо и даже не предвещает беду. Тебе просто начинает везти. Сбываются какие-то мелкие желания. Ты не выучила урок – а тебя не спросили, и вдобавок отменили контрольную. Ты опрокинула оставленные молочником бутылки – а они скатились по ступеням, не разбившись. Противное рукоделие как-то само собой оказалось сделанным. Порванная куртка – целой. А на носу у противной Анни Спринклс из параллельного класса, дразнили, ябеды и задаваки, тоже сам собой вскакивал исполинский пламенеющий прыщ, стоило только пробормотать про себя пожелание.

А потом...

Потом ты бы испугалась. Постаралась бы ходить осторожно-осторожно, учить все-все уроки и даже помирилась бы с противной мисс Спринклс.

Но было бы уже поздно.

Ночью тебя стали бы будить жуткие сны и ты просыпалась бы вся в поту, от собственного крика. Ты сделалась бы в этих снах чудовищем, призраком, ангелом Смерти, Черным Косцом, пробирающимся ночными улицами Норд-Йорка. Ты забавлялась бы, оставляя криво выцарапанные кресты на дверях, а на следующую ночь приходила бы снова, одним касанием заставляя лопнуть все панически запертые замки и засовы, шла бы по темным комнатам и забирала жизни. Забирала бы жизни детей, прежде всего – детей. С тем, чтобы потом наслаждаться горем и отчаянием родителей.

Но этого мало. Магия, проникшая тебе в кровь, продолжала бы свою работу.

И в один прекрасный день ты перестала бы быть человеком. Перестала бы быть молодой мисс Моллинэр¹ Эвергрин Блэкуотер, дочерью почтенного и уважаемого доктора Джона К. Блэкуотера. Ты стала бы чудовищем, самым настоящим чудовищем.

А потом – потом ты бы взорвалась. Твое тело просто не выдержало бы жуткого груза. Кровь, текущая по жилам, подобно воде по трубкам парового котла, обратилась бы в пламя. И, словно перегретый пар, вырвалась бы на волю.

Там, где была девочка, взвился бы к небу огненный столб, словно от попадания четырнадцатидюймового снаряда. На добрые две сотни футов во все стороны не осталось бы ничего живого.

---

¹ Автору известно, что имя Молли – уменьшительно-ласкательное от «Мэри» или «Маргарет». Но у нас, как-никак, события происходят после Катаклизма...

Поэтому в Норд-Йорке и несет службу Королевский Особый Департамент. Их черные мундиры знает весь город. Черные мундиры и эмблему – сжатый кулак, душащий, словно змею, рвущиеся на волю языки злого пламени. Мундиры черны. Кулак на эмблеме – серебряный. А языки пламени – алые.

У них есть особые приборы – досматривающие часто устраиваются в людных местах, на вокзале, например, на конечных остановках паровичков, что возят заводских к цехам и обратно. Приходили они и в школу Молли, разумеется. Класс замер, глядя на сумрачных мужчин в черном, с начищенными медными касками, словно у пожарных, украшенных черно-бело-красным гребнем.

Прибор, похожий на камеру-обскуру, с большим блистающим объективом, глядел холодно и устрашающе. Девочки одна за другой садились перед ним, досмотрщик крутил ручку сбоку, в объективе что-то мигало и мерцало, и ученице разрешали встать.

Почти всегда.

Один раз, в прошлом году, Дженни Фитцпатрик вот так же точно, как остальные, села перед объективом, робея и комкая вспотевшими пальцами края передника; так же точно закрутил ручку бородатый досмотрщик; так же засверкало что-то в глубине аппарата, за линзами – и вдруг все замерло.

Бородатый кивнул своему напарнику с серебряным угольчатым шевроном на рукаве. Тот плотно сжал губы, вскинул голову, шагнул к треноге, на которой возвышалась камера, глянул куда-то за отодвинутые шторы, скрывавшие от учениц бок прибора – и резко положил руку на плечо сжавшейся Дженни.

Молли помнила, как двое досмотрщиков рывком подняли ее со скамьи – ноги больше не держали мисс Фитцпатрик. Впрочем, уже и не мисс и даже не Фитцпатрик.

Больше Дженни никто не видел. Шепотом передавали слухи, что всех «выявленных» отправляют куда-то в Столицу, чтобы «сделать безопасными для окружающих», однако Дженни в их класс так и не вернулась. И на свою улицу не вернулась тоже, а родители, к полному изумлению Молли, вели себя так, словно ничего не случилось, а их дочь просто поехала погостить куда-то на юг к любимой тетушке.

От мыслей про магию Молли стало совсем зябко.

– Пошли по домам, Сэмми.

– погоди! – возмутился тот. – Смотри, «Канонира» уже почти подвели! И прожекторами освещают! Гляди, гляди, ты ж у нас его знаешь лучше, чем, наверное, его капитан! Что ж его так изглодало-то? Если не... э... ну, это самое?

Сэмми не слишком хотелось идти домой, и Молли его понимала. Кроме него, в семье еще шестеро братьев и сестер, а жили они не в таунхаусе, как семья д-ра Блэкуотера, а в двух крошечных комнатках, где кухня с ватерклозетом приходилась еще на восемь таких же.

Правда, и мать Сэмми не кудахтала над ним, отнюдь нет. И не смотрела, когда он возвращается домой. Правда, уже начала спрашивать, когда он перестанет болтаться без дела и начнет зарабатывать. Все старшие в его семье уже приносили домой когда шиллинг, когда два, а когда и все пять – в особо удачных случаях.

Они остались. И смотрели на тяжело осевший монитор, осторожно подводимый к причалу. К причалу, не в сухой док – значит, чинить особо нечего.

На палубе «Канонира» суетились люди. Суетились, на взгляд Молли, совершенно бессмысленно. Что она, не видела, как швартуются мониторы? А здесь что? Ну, чего присесть подле дырок, где надлежало быть воздухозаборникам? Чего там смотреть? От этого они обратно не вырастут. А ты, моряк в шапочке с помпоном, чего уставился на пустые кильбалки? Катер сам собой не вернется.

– Как ты думаешь, – с придыханием спросил Сэмми, – что у них там случилось? Куда катера подевались? И шлюпки?

– Может, спускали, чтобы к берегу подойти? А там что-то случилось? Сам ведь знаешь, какое там море...

Сэмми знал. Норд-Гвейлиг словно сходило с ума, там, к северу от Карн Дреда. Берег вздыбливался неприступными скалами с редкими проходами, прибрежные воды превращались в сплошные поля подводных рифов, чьи острые зубья все как один смотрели в сторону открытого моря.

На «Канонире» наконец завели концы, перебросили трап. Молли видела, как из подкатившего паровика выбрались несколько офицеров – серебряные погоны, аксельбанты, обязательные к ношению в «тыловых гаванях».

Следом за ним к причалам медленно и осторожно подводили нарядную паровую яхту, все иллюминаторы в кормовой надстройке радостно сверкают огнями. А по пирсу проползла целая вереница локомотивов, глухих, закрытых, черных.

– Кто-то из пэров приехал...

Молли кивнула. Пэры Королевства частенько навещали Норд-Йорк. Наверное, куда чаще, чем любой другой город в северной части страны, почему – Молли не знала. Может, оттого, что этот город оказался ближе всего к войне? Отсюда к Карн Дреду тянулись стальные нити путей, здесь выгружались батальоны горнострелков и егерей, здесь строили и ремонтировали бронепоезда.

Про пэров в городе знали все, однако вот держались они как-то тихо и незаметно: подружки Молли в школе наперебой обсуждали светские новости из Столицы, балы, наряды и все такое прочее; а в Норд-Йорке почему-то балы устраивались редко, и гости с юга на них не появлялись, к вящему разочарованию девочек в Моллином классе.

Израженный «Канонир» и роскошная яхта пришвартовались; становилось скучновато. Сам монитор Молли и впрямь знала как свои пять пальцев, все его кочегарки и машинные отделения, погреба с элеваторами, словно наяву видела круглый погон башни, ее привод, блестящие рычаги наводки, дальномеры, раскинувшие руки на марсах. Она рисовала «Канонир» и его систершип «Фейерверкер» множество раз, даже со счету сбилась, сколько именно.

– Идем домой, Сэмми. Меня мама заругает.

– А, ну да, конечно, – вздохнул рыжий мальчишка и потер оттопыренные уши. – Пошли. Завтра придешь?

– Не знаю. У меня рукоделье не сделано. Ни шитье, ни вышивка, ни вязание.

– Бррр! – помотал головой Сэмми. – Как ты только выдерживаешь? Я б лучше розгами в школе получил, чем за шитьем сидел!

– Я б тоже, – призналась Молли. – Прутьями что, потерпел чуток и все, а тут час за часом... пальцы все иголкой исколешь, нитки на спицах путаются, крючок у меня вечно заваливается...

– Пошли, короче говоря, – заключил Сэмми.

И они пошли.

Когда они спустились с маяка, фонарщики уже зажигали газовые фонари. Проехал, громыхая по булыжной мостовой, паровик с черно-бело-красной розеткой на дверях, и Молли с Сэмом невольно потупились – смотреть вслед паровикам Королевского Особого Департамента считалось у ребят Норд-Йорка дурной приметой.

На круглых афишных тумбах кое-где поверх всего наклеены были плакаты: «Разыскиваются Особым Департаментом». Кое-кто из одержимых магией пытался бежать, не понимая, наверное, уже в своем безумии, что являет собой страшную опасность для всех. Их приходилось отыскивать. И...

И они исчезали.

2

– Молли! Молли, дорогая!

– Да, мама. – Молли, как положено, слегка поклонилась, складывая руки внизу живота.

– Папа сегодня будет весь день в больших пакгаузах. Просил принести ему обед. Вот, возьми, Фанни уже все приготовила.

Молли видела свой субботний полдень совсем иначе, но с мамой не поспоришь. Мигом окажешься на хлебе и воде – «учит дисциплине и закаляет характер», как неизменно роняла мама, назначая это наказание. За розгу, надо сказать, миссис Блэкуотер не бралась никогда, поелику, будучи дочерью прогресса, полагала подобные «дикости» уделом прошлого. Впрочем, разрешения пороть Молли в школе она подписывала безо всякого трепета. Другое дело, что Молли хватало ума не попадаться.

С термосом в одной руке и стяжкой кастрюлек в другой Молли поскакала на улицу. Зима надвигалась на Норд-Йорк, надвигалась необычно рано в этом году, высылая передовые отряды снеговых туч, гневно обрушивающихся на дымный город твердой, словно град, ледяной крупой. Настоящего мягкого снега на улицах не было, он лежал далеко в горах и предгорьях, на полях, еще не ставших карьерами или шахтами.

Паровичок весело свистнул Молли, трогаясь от остановки. Она лихо повисла на задней площадке, ловко просунув руку с термосом под поручень. Верхний город, с его трех-четырёхэтажными таунхаусами, сквериками на площадях перед церквями и даже фонтаном перед Малым рынком, уступил место городу Среднему, вагончик ворвался в узкое полутемное ущелье улицы, и Молли невольно сжалась.

Сам воздух, казалось, пропитан здесь угольной гарью до такой степени, что щиплет глаза. Брусчатка изрядно разбита, от люков поднимается зловоние. Дома потянулись к небу, дыры подъездов, какой-то хлам в аллеях, обшарпанные стены и столь же облупленные вывески магазинов с пивными.

Желтые стекла в окнах нижних этажей, и сами окна забраны частыми решетками. Молли увидела пару констеблей, они не прогуливались, улыбаясь и здороваясь с прохожими, как на родной улице юной мисс Блэкуотер – а, напротив, стояли парой, внимательные и напряженные, глядя по сторонам во все глаза. Высокие шлемы, круглые очки-консервы, как у самой Молли, кожаные с металлом доспехи, делавшие их похожими на рыцарей с картинок. Молли заметила и оружие. Увесистые дубинки, револьверы у поясов, а один из констеблей даже держал на плече короткий карабин.

Кого они тут сторожили, почему были так тяжело вооружены – Молли не задумывалась. Паровичок вновь весело свистнул, они покатали дальше, громяхая на стрелках, шипя, окутываясь паром, и смотреть на это было куда веселее, нежели по сторонам.

Большие пакгаузы были действительно большими. Под высокие железные арки, накрытые выгнутыми крышами, забегали полтора десятка железнодорожных колеи; часть заканчивалась тупиками, часть следовала дальше, к заводам, и дальше, к порту. Очевидно, доктора Джона К. Блэкуотера вызвали сюда к пациенту – такое случалось частенько, когда фельдшеры не справлялись.

Молли соскочила с подножки, ловко балансируя и ухитрившись не перевернуть свои кастрюли. Огромные ворота пакгаузов широко распахнуты, стоят вереницы вагонов, пылят маневровые паровозы, сердито и нетерпеливо отвечают им низкими гудками их линейным собратьям. Отдуваются, отфыркиваясь паром, подъемники и лифты, кипы тюков, мешков и ящиков исчезают в чреве складов. Суется люди, грузчики в изношенных комбинезонах и ватных куртках, машут жезлами диспетчеры в оранжевых жилетах.

– Доктор Блэкуотер! Как найти доктора Блэкуотера? О, простите, мистер Майлз, это я, Молли!

– Давненько не виделись, мисси! – толстый диспетчер ухмыльнулся, хлопнув девочку по плечу. – Эк вырядилась, ну ровно машинист, хоть сейчас на «Геркулес», кабы он уже вернулся! Доктор во-он там, за тем углом, ищи ворота четырнадцать. Туда его позвали.

– Мистер Майлз, спасииибо! – уже на бегу крикнула Молли.

С платформы на платформу по узким лестницам, словно по боевым трапам вышедшего в море монитора; Молли ловко пробиралась между паровозами и вагонами, уворачивалась от сопящих паровых подъемников-самоходов, настойчиво пробираясь к «воротам № 14».

И, наконец, увидела их – алые цифры на серой стене, покрытой паровозной гарью. К ним тоже тянулись рельсы, но рельсы не совсем обычные – с обеих сторон высокие железные колья, в два человеческих роста, густо оплетенные колючей проволокой.

И там стояли солдаты. Горные егеря, тоже в шлемах, очках, крагах. Стояли густой двойной цепью, а между ними, выходя из высоких вагонов, со стенами сплошного железа, без окон – в «ворота № 14» тянулась короткая нитка людей.

Людей, со скованными за спиной руками.

Молли так и замерла, разинув рот и забыв даже об угольной гари и пыли.

Они были высоки, эти люди, выше даже рослых егерей. Все как один бородаты – мужчины Империи бороды брили, почитая достойным джентльмена украшением одни лишь усы, да и то должным образом подстриженные, а то и завитые. На ногах – что-то вроде серых сапог, сами же одеты в поношенные желтоватые длинные... меховики? Кожа наружу, мех внутрь. О, вспомнила Молли – touloupes!

Слово пришло первым. И только сейчас она сообразила, кого видит.

Пленных. Тех самых сказочных Rooskies, взятых в плен егерями.

За бородатыми мужчинами прошло несколько женщин, в намотанных на головы платках и таких же touloupes. Никто не смотрел по сторонам, строго перед собой, точно их нимало не интересовало, где они очутились и что теперь с ними будет.

Не в силах оторвать взгляд, Молли подходила все ближе к проволоке.

Другие вокруг нее – и грузчики, и машинисты, и смазчики, и сцепщики, и диспетчеры – один за другим тоже побросали работу, в упор плясь на пленников. На юную мисс Блэкуотер никто не обращал внимания, так что она оказалась у самой проволоки, в нескольких футах от того места, где кончалась двойная цепь егерей, а пленники один за другим заходили внутрь пакгауза.

Молли, разинув рот, глядела на Rooskies, хотя, казалось бы, ничего в них особенного не было. Ну, высокие, ну, широкоплечие, ну, с бородами. Но хвосты ж у них не растут, да и рогов с копытами явно не наблюдается!

Ни один из пленных не бросил ни одного взгляда в сторону. Все смотрели строго перед собой.

Молли смотрела прямо в лицо совсем молодой женщины, предпоследней в цепочке – прямая, с такой осанкой, что заставила бы устыдиться даже их преподавательницу манер и танца, миссис О'Лири. Большие серые глаза, светлые брови вразлет; и она – единственная из всех – улыбалась. Улыбалась жуткой, кривой улыбкой, что так и тянуло назвать «змеиной». Не было в ней ни страха, ни дрожи, а что было – от того у Молли по спине побежали мурашки.

Женщина чуть скосила взгляд, столкнулась со взглядом Молли. Серые глаза сузились, задержавшись на девочке. С губ сбежала злобная усмешка, они сжались; а потом уголки рта женщины дрогнули, и она отвернулась.

Молли вдруг ощутила, что ее собственные колени ощутимо дрожат.

А последним в цепи пленных оказался мальчишка. Наверное, как Молли или самую малость старше. С пышной копной соломенного цвета волос, со здоровенным синяком под левым глазом, в таком же touloupe. Он тоже смотрел прямо, не опуская взгляда.

Это не было взгляд пленника. Юная мисс Блэкуотер прозакладывала бы свою новенькую готовальню – предмет зависти всего класса – так мог бы смотреть скаут, разведчик. Он не боялся, о, нет, видывала она взгляды даже самые отъявленных забияк, когда им бывало страшно.

Как и женщина, мальчишка поймал жадный взгляд Молли.

И, как и женщина до него, глаза его сузились. Казалось, он словно собирается сделать моментальную светографию, навечно впечатать Молли в собственную память – так пристально он глядел.

Его пихнул в спину конвоир-егерь, и мальчишка опустил голову.

Пленные скрылись в пакгаузе, и Молли поспешила к воротам.

– Куда, мисси?

– Простите, мистер мастер-сержант, сэр, я – Молли Блэкуотер, мой папа – доктор Блэкуотер, я принесла ему обед...

Немолодой усатый сержант горных егерей усмехнулся.

– Доктора Блэкуотера знаю, а вас, мисси, вижу впервые. Так что не обессудьте. Бдительность – она превыше всего, особенно когда имеешь дело с этими Rooskies. Эй, Джим! Хопкинс!

– Сэр, да, сэр!

– Сбегай отыщи доктора Блэкуотера. Он где-то внутри. Скажи, пришла его дочь с обедом. Спросишь его указаний. Если господин доктор занят, вернешься сюда, отнесешь ему еду. Нет, дорогая мисси, внутрь нельзя, – покачал он головой в ответ на невысказанный вопрос Молли. – Все понял, Хопкинс?

– Сэр, так точно, сэр!

Долговязый рыжеволосый парень в еще необмятой куртке и шлеме без единой царапины – верно, из новобранцев – проворно умчался.

– Простите, господин мастер-сержант, сэр, – с должным придыханием спросила Молли, изо всех сил хлопая глазами – по примеру миссис О’Лири, которая поступала так всегда, стоило ей заговорить с «душкой военным», как не очень понятно выражалась она, – а что, эти Rooskies были очень страшные? Очень дикие? Вы ведь поймали их всех сами, сэр, ведь правда?

– Э-э, гхм, ну-у, дорогая мисси, как тебе сказать... – Мастер-сержант подкрутил усы. – С известной помощью отдельных нижних чинов, но, да, сам.

И он гордо выпятил грудь, украшенную многочисленными нашивками.

– Rooskies, да будет тебе известно, дорогая мисси, очень любят джин. Джин, и виски, и другие крепкие напитки. У них есть и свои, но их вечно не хватает на всех. Поэтому они всегда стараются их у нас заполучить. Меняют на меха, на кожи... а еще очень хорошо прилавиваются. Дело было так: положили мы, словно забыли, полдюжины бутылок старого доброго «Джимми Уокера», и...

– Сержант Стивенс, любезнейший, перестаньте забивать моей дочери голову своими сказками, – раздался из-за широкой спины егеря голос доктора Блэкуотера. Рядом с ним маячила длинная скуластая физиономия новобранца Хопкинса, разумеется, вся покрытая веснушками, в тон его огненно-рыжим волосам.

– Прошу простить, доктор Блэкуотер, сэр, – мигом подобрался сержант. – Не сердитесь, сэр, всего лишь хотел позабавить нашу любознательную мисс...

– То-то же, – беззлобно сказал доктор Блэкуотер, обнимая Молли. – А не то придете ко мне следующий раз с вашим коленом – узнаете, каково это, когда без анестезии, как положено герою-егерю!

– Сэр, умоляю, сэр, скажите, что вы шутите, сэр!

– Шучу, Стивенс, шучу. Молли, милая, спасибо за обед. Видишь, какая у нас тут чехарда, даже не поесть как следует. И тебя внутрь не пускают...

Досточтимый Джон К. Блэкуотер, М.Д., был высок и худ, носил усы, как и почти все мужчины в Норд-Йорке. Когда работал, опускал на правый глаз подобие монокля, только разных линз там было полдюжины, на все случаи жизни.

– Беги домой, дорогая. А я поем и назад, надо осматривать пленных...

– Rooskies? Да?

– Их, стрекоза. А почему ты спрашиваешь?

– Девочка видела, как их заводили внутрь, – угодливо встрял сержант. – Должно быть, они ее испугали. Варвары, что с них взять...

– Испугали? Правда? – Папа чуть отстранился, посмотрел Молли в глаза. – Милая моя, они, конечно, варвары, но вовсе не такие страшные. Конечно, – быстро поправился он, кинув взгляд на мастер-сержанта, – когда не в дремучих своих лесах. Там-то да. Как любые дикие звери. А здесь – уже нет. Поэтому ничего не бойся, отправляйся домой. Кастрюли я сам принесу. Работы сегодня будет много – пока их всех осмотришь....

– И не бойтесь же вы, господин доктор, сэр, – поспешил почтительнейше заметить Стивенс. – От них же неведомой заразы нахвататься можно, сэр!

– Современная наука, сержант, – сухо зато заметил доктор Блэкуотер, – создала вполне действенные средства защиты. Уверяю вас, мы все тут в полной безопасности. Если я и обнаружу какое-то заболевание, варвара поместят в карантин.

– И будут лечить, да, папа?

Доктор и сержант переглянулись.

– Конечно, дорогая, – сказал доктор, нагибаясь и целуя Молли в щеку. – В конце концов, мы же цивилизованные люди, не так ли? Ну, беги теперь. Стивенс, дружище – не отрядите ли кого-нибудь проводить Молли до паровика?

– Разумеется, доктор, сэр. Хопкинс! О, ты тут, как кстати. Слышал господина доктора? Проводишь юную мисс Блэкуотер до паровика и проследишь, чтобы она благополучно на него села. Все ясно?

– Сэр, так точно, сэр!

Молли не стала возражать, что она уже большая, что знает район пакгаузов уж явно не хуже долговязой дылды Хопкинса и прекрасно отыщет дорогу сама. Если папе что-то втемняшивалось в голову – его не могла переубедить даже мама.

– Счастливы быть вам полезны, мисс!

Рыжий Хопкинс улыбался, показывая щербатый рот, где не хватало одного переднего зуба.

– Спасибо, сэр, – церемонно сказала Молли, подбирая юбки в точности тем самым движением, что и миссис О’Лири. – Очень любезно с вашей стороны сопроводить меня.

Хопкинс, явно не привыкший к тому, чтобы кто-то называл его «сэр», весь аж прямо расцвел. И всю дорогу к остановке паровика с убийственной серьезностью охранял Молли, выпятив нижнюю челюсть так, что девочка забеспокоилась – как бы вывих не заработал. Им поспешно уступали дорогу – еще бы, горных егерей в Норд-Йорке уважали.

– Куда прешь, деревенщина! – рыкнул Хопкинс на какого-то зазевавшегося фермера, недостаточно быстро, по мнению Джима, убравшегося с их пути. – Простите, мисс Блэкуотер, здесь столько неотесанной публики...

Мимо прогромыхал паровой локомотив с эмблемой Специального Департамента на дверцах и сзади, и Хопкинс тотчас вытянулся, отдавая честь ладонью в белой перчатке.

Сквозь темные окна было ничего не видеть.

Локомотив прогромыхал, поехал дальше.

– Вчера, мисс Моллинэр, взяли одного, – заговорщическим полусшепотом оповестил девочку Хопкинс. Видно было, что умолчать об этом выше его невеликих сил. – Нас в оцепление поставили, а сами *магика* взяли.

– Не может быть! – Молли не понадобилось притворяться. – Настоящего магика? Малефика?

– Самого малефичного малефика! – уверил ее Джим.

– Как же его поймали?

– Соседи донесли, слава Всевышнему. Я слышал, все началось с того, что к нему молочные бутылки сами на порог взбирались. Молочник-то, чтобы в гору не тащиться с тележкой, оставлял на общей полке. Все соседи за своим молоком спускались, а этот, говорят, никогда. А потом кто-то заметил, как бутылки к нему сами – прыг, прыг, прыг и в двери. Ну, тут-то они и донесли.

Счастье, что он ничего натворить не успел. Надо ж, мисс Моллинэр, быть таким идиотом – волшебник-то этот, похоже, и впрямь надеялся всех умнее оказаться, магичность для себя приберечь, словно и не знал, чем это все кончается, и не ведал! А вот в мехмастерских паровозных сказывали, что на неделе у них там один возчик, того, рванул.

– Как рванул? – ахнула Молли, прижимая ладошки к щекам. – Ни в кого не превратившись?

– Да вот так и рванул! – надулся от важности Хопкинс, явно довольный эффектом. – Не, в чудище не обернувшись. Сказывают, такое тоже бывает. На него, говорят, и раньше поглядывали, но не так, чтобы очень. А тут, говорят, приехали за ним, а он ка-ак рванет! Побежит, в смысле. Особый Департамент за ним, а он прыг в коллектор, в трубу, значит, а там ка-ак бахнет! Дым столбом, огонь до неба! Все с ног попадали!

Молли не могла припомнить ни «дыма столбом», ни «огня до неба». Спорить с Хопкинсом она, однако, не стала. Тем более что они уже добрались до остановки, к которой подкатывал двухвагонный паровик.

* * *

Молли ехала домой, низко надвинув шлем и опустив на глаза очки-консервы – она взобралась на империал, однако ветер словно с цепи сорвался – прямо в лицо летели пригоршни жесткого снега, но вниз Молли упрямо не спускалась.

Паровик бодро пыхтел по все тем же улицам, узким и темным, все так же тянулись по обе стороны высоченные, нависающие стены со слепыми желтыми окнами, однако снег скрадывал все это, умягчал, набрасывал флер зимней сказки, и это, право же, стоило того, чтобы мерзнуть на открытом империале. Паровик этот был толкачом, дым весь летел назад, не мешая пассажирам империала.

Стрелка, другая, перекресток. Поднята лапа семафора, и паровик тормозит, пропуская другой, стучащий колесами по пересечной улице. Молли ехала домой, но думала сейчас не про дестроеры и мониторы в гавани, не про бронепоезда в депо – а исключительно про пленных Rooskies.

И про мальчишку того тоже. Ых.

Неправильно это.

И да, глядел он как-то... тоже неправильно. Одеты, конечно, как варвары. Одни *touloupes* чего стоят! И что теперь с ними сделают? Наверное, ничего плохого. Нет, не «наверное», конечно же, ничего плохого! Иначе зачем папе их осматривать?

Молли сердито помотала головой, поправила шлем. Задумалась, замечталась – этак и свою остановку пропустить недолго!

Лихо скатилась вниз по бронзовым перилам (по случаю непогоды на империале Молли оставалась единственной пассажиркой) и вприпрыжку поскакала к дому.

Но до самого порога ее не оставляло ощущение, что жесткие зеленовато-серые глаза мальчишки-пленника глядят ей прямо в спину.

Мама, само собой, велела переодеться «как подобает приличной девочке», а до того никаких рассказов выслушивать не стала. И лишь когда Молли, уже в платье, домашнем переднике, аккуратно сложив руки перед собой, вошла в гостиную, мама подняла на нее взгляд.

– Да, дорогая?

Молли принялась рассказывать. Мама любила подробности. Ее интересовало и то, не встретила ли дочь знакомых на паровике, кто был вокруг папы, чем он был занят.

– И там привезли пленных, мама, вы представляете? Настоящих *Rooskies*!

– Ужас какой, – мама поднесла к лицу платочек. – Молли, милая, вы очень испугались? Прошу меня простить, дорогая. Я никогда не послала бы вас туда, знай я о таких обстоятельствах. А ваш отец тоже хорош! Мог бы прислать посыльного, подумать о том, чтобы не подвергать вас опасности!

Молли вздохнула про себя. Она не любила, когда мама по мелочам выговаривала папе.

– Мама, так ничего ж страшного! Там егеря вокруг стояли! С оружием! В четыре ряда!

Насчет четырех рядов она, конечно, преувеличила, но что делать, приходилось выкручиваться.

– Все равно, – непреклонно сказала мама. – Папа обязан был позаботиться о вашей безопасности. Я непременно переговорю с ним, дорогая. Больше такого не повторится, можете быть уверены.

Молли ничего не оставалось, как вновь вздохнуть.

– Могу ли я пойти к себе, мама? У меня еще уроки оставались.

Это всегда служило универсальной отмычкой.

– Конечно, дорогая.

В комнате Молли рассеянно полистала учебник, уставилась в заданное на сегодня упражнение.

«Бронепоезд выпустил по варварам 80 снарядов, часть весом $6\frac{1}{2}$ фунта, а часть весом $12\frac{1}{2}$ фунта. Сколько было выпущено снарядов каждого вида, если всего вес бронепоезда уменьшился на 700 фунтов? Весом израсходованных угля и воды пренебречь».

Та-ак... 80 снарядов... шесть с половиной фунтов... это, конечно, морская легкая двухчетвертьюдюймовка. На огромном «Геркулесе» таких пушек шесть в одноорудийных башенных установках, максимальный угол возвышения... тьфу! У меня ж совсем не это спрашивают!

А двенадцать с лишним фунтов, это, само собой, классическая трехдюймовка, самое распространенное орудие на легких дестроерах, миноносцах и прочей мелкоте. На «Геркулесе» таких четыре. Его основной калибр – тяжелые гаубицы в семь с половиной дюймов, а трехдюймовки и прочее – чтобы варвары даже и не мечтали подобраться к полотну.

Молли в два счета решила легкую задачку, аккуратно вывела оба уравнения, расписала – она такое щелкает в уме, но в школе требуют «должного оформления». И мама, когда смотрит на ее уроки, первым делом проверяет, чтобы не было клякс.

Ну, да, пятьдесят снарядов в 2¼ дюйма и 30 – трехдюймовых. Невольно перед глазами Молли возник белый заснеженный лес, и черная колея железной дороги, и громадная туша «Геркулеса» в зимнем камуфляже, и облака густого дыма над трубами, броневые башни, повернутые в сторону леса. Пламя, вырывающееся из орудийных стволов. Задранные к серому небу жерла гаубиц. И взрывы, взрывы, один за другим, снаряды, рвущиеся на краю леса, снопы осколков, летящие щепки от терзаемых древесных стволов.

Вся артиллерия «Геркулеса» вела беглый огонь.

Там, среди стволов, среди вздымаемых разрывами земли и размолотой в пыль древесины, метались какие-то фигурки. Падали, вскакивали, перебежали, укрываясь в источающих сизый дым воронках. Иные так и оставались лежать – в нелепых белых накидках, испятнанных красным.

«Геркулес» громил и громил лес прямой наводкой, извергая снаряд за снарядом.

Тридцать и пятьдесят, мутно подумала Молли, не в силах оторваться от картины, необычайно яркой и настолько правдоподобной, что куда там снам!

Фигурки в белых накидках, несмотря ни на что, не отступали. Упрямо и упорно они ползли по расчищенному предполью, самые ловкие или удачливые подобрались уже к самой колючей проволоке, протянутой в три ряда по низу насыпи.

На «Геркулесе» затараторили пулеметы. Правда, один из них, торчавший прямо из бронированного борта переднего вагона, неожиданно заглох. Молли слыхала – папа упоминал – что холщовые патронные ленты часто перекашивает, заклинивая все устройство.

Сразу несколько белых фигурок бросилось через непростреливаемое пространство. Двух или трех скосило очередь с другого пулемета; еще двое упали – из-за спешно отодвинутых бронезаслонок в них стрелял экипаж из ружей и револьверов.

Добежал только один.

Добежал и прижался всем телом к размалеванной грязновато-серыми разводами броне, испятнанной круглыми шляпками заклепок.

Молли затаила дыхание. Она не могла понять, спит ли она, грезит ли наяву и где вообще находится – все происходящее она видела с высоты птичьего полета.

Фигура прижималась к броне все плотнее и плотнее. Кто-то из экипажа «Геркулеса», выгнув изо всех сил руку, выстрелил из револьвера, попал человеку в бок – тот даже не дернулся.

А потом от рук и плеч фигуры в белом повалил густой дым, такой же белый. Тускло засветился багровым вмиг раскалившийся металл брони; Молли увидела, как в противоположном борту бронев вагона распахнулась дверца, как через нее стали выбрасываться один за другим люди в форме, в черных комбинезонах и черных машинистских шлемах.

Прижимавшаяся к броне фигура в белом совсем скрылась в белых клубах. Осталось только яростно пылающее пятно раскаленной стали, быстро расползавшееся по броне и вправо и влево. Молли с ужасом поняла, что нос бронев вагона стал вдруг оседать, словно таять, оплавляться.

Этого не могло быть. Это просто сон.

А в следующий миг вагон «Геркулеса» взорвался.

– Молли!

Она подскочила. Сердце лихорадочно колотилось, дыхание сбито. Что такое, почему? Она, конечно, задремала над учебником – а мама тут как тут, но все же...

– Милочка, что это за отношение к школьным заданиям?

– Я... – сердце у Молли по-прежнему бешено стучало, ладони и лоб покрылись потом, язык совершенно не слушался, – я сделала задание, мама... и написала... вот...

– Хмм... – поджала губы мама, придирчиво глядя на аккуратные ровные строчки. – Действительно. Что, это все с математикой? На понедельник?

– Нет-нет...

Молли ожидала грозы, но мама лишь погрозила пальцем.

– Доделывайте, милочка. И покажете мне. Иначе рискуете остаться без сладкого.

– Да, мама, – поспешно пролепетала Молли, радуясь, что дешево отделалась.

...Бронепоезд «Геркулес» успел выпустить 50 2¼ дюймовых снарядов и 30 3-дюймовых...

Молли сидела, невидяще глядя в задачник.

Ей, конечно, все это приснилось. Но почему так ярко, почему она помнит все до мельчайших деталей? Камуфляжные разводы на бортах «Геркулеса». Круглые заклепки. Тяжелые броневые люки. Их петли. Клубы дыма над трубами паровозов.

Что с ней случилось?

А что, если она...

Тут Молли сделалось совсем дурно. Вечный страх подползал ледяной змеей, обвивался вокруг ног, спутывал щиколотки и колени.

А что, если это – магия? Если страшная магия тянет к ней свои холодные лапы? Вдруг вот она спустится к файф-о-клоку, а по улице, несмотря на холод, снег и ветер, помчится мальчишка-газетчик, выкрикивая осипшим голосом: «Срочные новости! Экстренный выпуск! Тяжкие повреждения бронепоезда «Геркулес»! Атака варваров отбита! Покупайте, покупайте экстренный выпуск! Читайте – бронепоезд поврежден, атака варваров отбита!»...

За окнами раздался какой-то шум, крики, и Молли чуть не подскочила. Бросилась к окну, прислушалась.

Нет, это не мальчишка-газетчик, и не специальный локомотив с глашатаем и рупором, в который тот возвещал какие-то совсем уж срочные и неотложные известия. Просто констебль тащит в участок какого-то упирающегося бродягу, наверное, явившемуся в приличный район побираться.

Ф-фух. Молли прижалась лбом к холодному стеклу. Нет-нет, я просто испугалась. Просто... слишком яркий сон. Ничего больше.

...Но спросить, не случилось ли чего с «Геркулесом», все-таки следует. Ну, чтобы не мучиться.

В эту очень длинную субботу папа вернулся домой совсем поздно, но спать Молли все равно не могла. Вертелась, крутилась, то накрывалась одеялом с головой, то сбрасывала совсем, хотя радиаторы рачительная Фанни на ночь всегда «укручивала», как она выражалась.

Наконец, не выдержав, Молли, как была, в длинной ночной сорочке до пят и носках, поскокала вниз. Из гостиной доносились голоса, папа и мама разговаривали.

Мимоходом Молли позавидовала младшему братцу – спит себе, как сурок, и никакие «Геркулесы» его не волнуют.

– Молли! – мама аж привстала из-за чайного стола, сурово сводя брови. – Как вас понимать, мисс? Почему не в постели?

– Простите, мама. – Молли поспешно сделала книксен. – Я только спросить... спросить у папы...

– Не сердись на нее, душа моя, – примирительно сказал папа. – В конце концов, дети должны видеть отца хоть изредка, и дома, а не на работе...

Мама недовольно поджала губы, и Молли поняла, что эта дерзость будет стоить ей лишнего часа рукоделья воскресным вечером, но остановиться все равно уже не могла.

– Я только хотела спросить, папа... «Геркулес» не вернулся? С ним все в порядке?

– «Геркулес»? – нахмурился папа, и сердце у Молли заколотилось где-то в самом горле. Нет-нет-нет, только не это, только не это, ну пожалуйста, только не это...

– Насколько я знаю, с ними все в порядке. – Папа принялся протирать свой знаменитый многолинзовый монокль. Дело это было трудное, требовавшее неспешности и аккуратности, как и специальной замшевой тряпочки. – Они телефонировали с разезда... я справлялся, нет ли раненых, обмороженных – в предгорьях ударили вдруг лютые холода... Были какие-то мелкие стычки, «Геркулес», как всегда, разогнал варваров одним своим видом...

Молли облегченно вздохнула. Даже не вздохнула – выдохнула, словно после долгой и донельзя трудной контрольной. Ноги у нее, правда, предательски подкосились, так что ей пришлось плюхнуться в ближайшее кресло, не спросив разрешения.

Мама, разумеется, подобного nepотребства стерпеть не могла.

– Кто вам разрешал садиться, юная леди? – поджав губы, бросила она ледяным тоном. – Совсем забываетесь, мисси!

– Простите, мама, – вновь зашпешила Молли. С плеч поистине свалилась неподъемная тяжесть. – Простите, папа. Я... я могу идти?

– Завтра два часа рукоделья вместо одного, – по-прежнему поджимая губы, вынесла вердикт мама. – Пусть это послужит вам уроком, юная леди. Забывать о приличиях нельзя никогда, ни при каких обстоятельствах! Именно это – приличия и воспитание – отличает нас от варваров. Понятно вам это, мисс?

– Да, мама, – Молли решила, что будет нелишне сделать лишний реверанс.

– Дорогая, – пришел на выручку папа. – Ну, пожалуйста, не будь так уж строга к девочке. Она соскучилась, она беспокоится о героических солдатах, слугах Ее Величества... Лишние полчаса рукоделья будет, по-моему, вполне достаточно.

– Ты ее совершенно разбалуеть, дорогой мой Джон Каспер! Если бы я в детстве вот так ворвалась в гостиную к моей собственной маме – или тете Сесилии, – да еще и плюхнулась бы без спроса, то получила бы от папы таких розог, что неделю бы сесть не смогла. А тут только полчаса рукоделья! Ладно, мисси, благодарите вашего сердобольного отца. Полтора часа, а не два. Но чтобы как следует! – она погрозила пальцем. – Сама проверю! Со всей дотошностью!

– Да, мама. Спасибо, мама. Я могу идти, мама?

– Ступайте, мисс.

За спиной Молли папа сочувственно вздохнул.

* * *

В воскресенье, отсидев и службу, и проклятое рукоделье, и час присмотра за братцем, Молли наконец-то выбралась из дома. Выбралась, несмотря на пришедший с гор холод и валом валивший снег.

Низко надвинут машинистский шлем, очки-консервы, поднят воротник куртки из «чертовой кожи» на искусственном меху – толку от него мало, но не надевать же мамой предлагаемое драповое пальто до самых пят? Ватные штаны, высокие сапоги с застежками – настоящие егерские, как хвасталась она Сэмми.

Молли быстро перебежала дорогу, нырнула в узкий проход мусорной аллеи между двух почти впритык сдвинутых таунхаусов. Перепрыгивая через засыпанные ящики с отбросами, которые из-за снега явно еще не скоро вывезут, проскочила на следующую улицу, взлетела по покрытым белым покрывалом ступеням на эстакаду экспресс-паровиков, ходивших далеко, к удаленным докам и плавильням, пробежала до стрелки, до ответвления, свернула – дело это не самое безопасное, экспрессы ходят быстро, а эстакада узкая – едва устоишь на краю, если застигнет поезд вне рабочей площадки.

Дома и проулки уходили вниз, эстакада становилась выше – зато это был самый быстрый способ добраться до квартала, где жил Сэмми.

Улицы сжались, сузились. Стены домов надвинулись на Молли. Тут и там кварталы пересекались эстакадами – здесь скрещивалось сразу несколько экспресс-линий.

Под мутным фонарем околачивался Билли Мюррей с друзьями – всем известный на пять кварталов в каждую сторону драчун и забияка. Был он одних лет с Молли, но зато на голову выше и чуть ли не в два раза шире в плечах.

– Привет, мисс Блэкуотер! Куда собралась?

– Привет, Билли! Сэма не видел?

Как ни странно, Билли, чьих кулаков отведал, наверное, любой мальчишка в ближайших и не очень окрестностях, к Молли относился со странной снисходительностью. Ну, и к ее друзьям тоже, за кого она просила.

– Сэма-то? Не. Не выходил сегодня. А вот скажи, мисс Блэкуотер...

– Билли! У меня имя есть!

– Да имя-то есть, – Билли сдвинул худую шапку на затылок, показывая внушительную шишку на лбу. Судя по всему, досталось ему от дубинки констебля. – Но когда работу ищешь, говорят, надо по всем правилам.

– Работу, Билли? Какую работу? И я-то тут при чем?

Билли подошел ближе – руки в карманах латаного-перелатаного пальто, что до сих пор было ему длинно. Наверняка от старшего брата, что недавно завербовался во флот. Не своей волей, правда.

– Мамку рассчитали вчера, – вполголоса сказал он. Круглое лицо донельзя серьезно. – Говорят, какая-то паровая хрень будет теперь на фабрике вместо нее. Мне работа нужна. Любая, мисс Блэкуотер.

– Рассчитали? – растерянно повторила Молли. – Ой...

У Билли, как и у Сэма, было то ли пять, то ли шесть братьев и сестер. Старший служил и посылал какие-то деньги, но, само собой, какие особые деньги у новобранца? Папа говорил, что платят им сущие пенни.

– Так, Билли... – беспомощно сказала мисс Блэкуотер, – это тебе к мяснику надо, или там к зеленщику... или в депо паровиков, которые не экспресс... им смазчиков вечно не хватает...

– Был уже, – ровным голосом сообщил Билли. – Не берут. Говорю тебе, мисс, новую хрень на фабрике поставили. И не одну. Многих рассчитали.

– На «Железных работах Уотерфорда»?

– Угу. Мамка у меня там. Была. А еще у Джимми-дергунца родители, и у Майкла-ушастого папка, и у Уолтера-хриплого, и у другого Билли, ну, который конопатый... Многие и побежали, работу искать. А я припозднился.

– Так найдет твоя мама работу, Билли! Точно тебе говорю – найдет!

– Может, и найдет, – скривился мальчишка. – Где в два раза меньше платят. Прислужгой какой или там поломойкой.

Молли опустила голову. Ветер швырял на них с Билли пригоршни снега.

– Слушай, – вдруг решила она. – Ты тайны хранить умеешь?

Билли снисходительно фыркнул, указал на свою шишку.

– Видела? Бобби² отметил. Констебль Паркинс. А все потому, что я говорить не хотел, кто часовую лавку обнес на прошлой неделе.

– А ты знал разве?! – поразила Молли.

– Не, – подумав, признался Билли. – Но бобке говорить все равно не хотел! Западло. Они мамке, когда ее с фабрики выкидывали, по бокам так надавали – еле до дому дотацилась... Так что если чего мне скажешь – могила!

---

² Бобби – презрительное прозвище полицейских.

– Поклянись! – потребовала Молли.

– Да чтобы угля наплотаться!

– Ладно. Вот тебе задаток... – Молли много читала про это в книгах. Строгий и рассудочный детектив посылает на задание помощника, который «свой» на городском «дне» и всегда вручает аванс. – Задаток, говорю! – сердито повторила она, видя выпученные глаза Билли. – Два шиллинга. Руку протяни. Раз, два. Получи. До двух-то считать они тебя научили?

Билли, скажем так, не слишком усердствовал в посещении школы.

– Что сделать надо, Молли? – хрипло сказал мальчишка, облизнув от волнения губы и позабыв про всяческих «мисс Блэкуотер». – Побить кого? Ты только скажи, так отделаю, маму родную не вспомнит!

– Побить? Не, бить не надо, – помотала Молли головой. – Надо пробраться на стоянку «Геркулеса», к механическим мастерским. И разузнать, что там и как. Все ли с ним... с «Геркулесом» то есть... в порядке. Сделаешь – еще три шиллинга дам.

В Норд-Йорке семья могла худо-бедно сводить концы с концами на пятнадцать шиллингов в неделю. Пять шиллингов – или четверть фунта – были дневным заработком опытного механика.

Правда, инженер получал четыре фунта в день, а добрый доктор Джон Каспер Блэкуотер – и того больше, целых десять. Двести шиллингов, в сорок раз больше хорошего рабочего...

– А у тебя есть? – жадно спросил Билли, вновь облизываясь.

Молли полезла в нагрудный карман, выудила монету в полкроны³, прибавила шестипенсовик и повертела всем этим у мальчишки перед носом.

– Считай, ты уже все узнала. Скажи только, про что спрашивать?

– Н-нуу... не было ли боя, а если был, то что там случилось... не погиб ли кто... Я ведь девочка, девочке ни за что не расскажут, а тебе – завсегда! – подольстилась она, и Билли немедленно выпятил челюсть.

– Понял. – Билли ловко подбросил и поймал монеты. – На два дня харча хватит, а с тех пяти... Мамка порадуется.

– Ты те пять еще заработай сперва! – пристрожила его Молли, стараясь поджимать губы, как мама.

– Заработаю, не сомневайся!

– Тогда завтра? Здесь же?

– Угу, – кивнул Билли. – Побегу сейчас же, там когда вечерняя смена воскресная, пробраться легче. Ты Сэма-рыжего еще искать будешь?

– Буду.

– Он, говорю тебе, не появлялся сегодня. Может, мамка его куда послала. Ты к ним самим зайди. Если не испугаешься.

– Вот еще! – фыркнула Молли как можно убедительнее. – Сам-то не струсь, когда до мастерских доберешься!

Билли только рукой махнул, исчезая в падающем снегу.

Почему она это сделала?

Не поверила папе?

Хотела убедиться сама?

Она сама боялась ответов на эти вопросы.

Боялась и того, что с «Геркулесом» – беда, а это значит...

Боялась и того, что папа врет ей.

---

³ Полкроны – два шиллинга и шесть пенсов. В одном шиллинге 12 пенсов, в одном фунте – 20 шиллингов.

Трудно даже сказать, чего больше.

Молли прождала Сэма на их обычном месте – на остатках старой эстакады, которую по большей части снесли, когда строили доходные дома и прокладывали новые линии паровика; однако приятель так и не появился. Исчезли с засыпаемых снегом улиц и другие мальчишки с девчонками. Молли поколебалась – начинало темнеть – и нехотя повернула домой.

3

Билли принес ответ уже на следующий день, сияя, как новенький серебряный шестипенсовик.

Был вечер, и Молли уже с беспокойством поглядывала на фонарщиков, один за другим зажигающим газовые фонари. Воскресный снегопад прекратился, на время скрыв зияющие раны Норд-Йорка; но сажа из бесчисленных труб уже оседала на белые покрывала.

Сэмми не появился вновь, и девочка начинала всерьез беспокоиться. Сидела на верху старой эстакады, где еще остались догнивающие остатки деревянных шпал, и ждала, хотя уже чувствовала – Сэмми не придет.

Зато явился Билли.

– Эге-гей, мисс Блэкуотер! – он замахал рукой.

– Опять «мисс», Билли?

– Ты мне работу дала. – Он быстро вскарабкался по выступающим кирпичам. – Я, того, сделал. Монеты при тебе? – добавил он заговорщически.

Молли позвенела полукроной и шестипенсовиком в кармане.

– При мне. Что смог узнать?

– Ух, и нелегко же было! – издалека начал Билли, как и положено. – У мастерских страсть что творится – проволоку новую натянули, да еще ярдов на двести отодвинули. Часть Ярроу и Бетельхейма отгородили, народ выселяют. Говорят, сносить будут, мастерские расширять. Стрелки стоят. С броневиками!

– Ух ты! А не врешь?

– Да что б мне в топке паровозной сгореть!

– Как же ты пробрался? – Молли распирало, но спрашивать напрямую было нельзя. Нельзя показывать, насколько тебе это важно.

– Да уж пробрался! – небрежно сплюнул мальчишка. – Ярроу-то они перекрыли, и вход мусорную аллею, а что туда попасть можно через окно одно с соседней Назарет – забыли! Через окно в подъезд, а там черный ход как раз на аллею между Назарет и Ярроу. И прошел! Аллею-то как раз выходит на зады мастерских, там их дамперы стоят. Забор высокий, да только что мне их заборы! Кирпичи так криво ложены, что и безрукий влезет.

– И тебя не увидели? – восхитилась Молли.

– Х-ха! – Билли вновь сплюнул. – Увидят они меня, как же, кроты слепые. Короче, перемахнул я через забор и ходу! Через пути. Там до черта старых броневиков стоит, знаешь, по-моему, еще с прошлой войны. Ну, я под ними, до главного эллинга. Там огни горят, светло, как днем! Подлез чуток и заглянул...

– А чего ж заглядывал? Чего не спросил на выходе просто? – изумилась слушательница.

– Чего заглядывал? – надулся от важности Билли. – Да потому, что своими глазами увидеть должен был! Мастерские-то болтали, что, дескать, уже совсем вечером пришел «Геркулес», и что много с ним работы будет.

– Работы... будет? – пролепетала Молли.

– Угу. Побили его сильно, говорили. Ну, я и решил – за такие-то деньжищи как же я мисс Блэкуотер дурные вести принесу? Не-ет, надо самому, все самому.

– Ну не тяни уже! – Молли чуть не стукнула мальчишку. Тот изобразил шутейный испуг, поглубже натягивая старую заношенную кепку. Уши у Билли были красные, но он, похоже, привык.

– Увидел я «Геркулес», – сообщил он торжественным шепотом. – Во втором эллинге стоит, на яме. Побит, ага. От головного вагона только тележки и остались.

– От головного... тележки... только... – Голова у Молли закружилась.

Белая фигура, прижимающаяся к размалеванной грязно-серыми и белыми разводами броне.

Вспышка, яркая, веселая, солнечная. Словно весной, когда ветер с гор относит в море проклятые тучи, что висят над Норд-Йорком всю осень и зиму.

– Угу, тележки. А остальное все цело. Обрато приползли, в общем. Бронепоздники злые ходят, как бульдоги. С мастеровыми лаялись, сам слышал.

– Молодец, Билли, – мертвым голосом сказала юная мисс Блэкуотер. – Вот, держи свои три шиллинга... – Она невольно взглянула на его ботинки, старые и грозящие вот-вот начать «спрашивать кашу». – Пусть мама тебе обувку новую купит.

– Обувку! – присвистнул Билли. – Да ты, мисс Блэкуотер, совсем того. Какие ботинки, если в доме жрать нечего? А мамка весь день вчера плакала. И Джоди с ней, и Кейти. Девчонки, что с них взять. – Он подбросил монеты и снова поймал. – Пойду к бакалейщику. На нас шесть шиллингов долг был записан. Отдам часть, на остальное муки куплю, масла, бобов, может, даже грудинки. – Он облизнулся. – А еще что-нибудь для тебя разузнать, Молли? Скажешь, я так аж в Правление залезу!

– И схватят тебя! Нет уж. Лучше вот чего, узнай, что с Сэмми, ага? Это нетрудно. Два шиллинга – идет?

– Полкроны!

Молли уже хотела возмутиться... но потом взглянула на кепку Билли, что никак не соответствовала погоде, на худые ботинки, старое драповое пальто и выцветший вязаный шарф – и не стала спорить.

– Без задатка тогда!

– Идет! – легко согласился Билли. – Я тебе верю.

* * *

Молли притащилась домой, выслушала упреки Фанни – хорошо еще, мамы дома не было, ушла, как поведала служанка, на какой-то *чэрити-диннер*, а то Молли влетело бы на орехи. Молодая гувернантка мисс Джессика уже уложила Уильяма спать и сама ушла, а папа пропадал в Железнодорожном клубе, хотя сегодня и был понедельник.

В своей крошечной длинной комнатке Молли, не зажигая газа, рухнула на кровать и с головой накрылась покрывалом. За такие фокусы – валяние на постельном белье в верхней одежде – полагалось самое меньшее оставление без сладкого, а если учесть, что Молли запрещалось вообще «валяться» – то и целый день на хлебе и воде.

«Геркулес» потерял первый бронев вагон. Остались одни тележки. Все так, как в видеении. В точности так.

Ой-ой-ой мамочки...

Это неправильно. Этого не бывает. Такое случается, только если людей настигает она, страшная, гибельная магия, от которой нет спасения. Правда, подружка Эмили Данкинс уверяла, что порой люди «видят странное», когда у них начинается синяя диарея, но Эмили всей школе известная балаболка. Она хорошая, добрая, но язык совершенно без костей. А главное, потом сама же верит своим выдумкам...

Что с ней теперь будет?

Что делать, если Особый Департамент снова явится в школу со своей камерой-обскурой?

Куда бежать?

– Мисс Молли! Мисс Молли!

Это Фанни. Надо вставать. Фанни, она хорошая, но беспорядка не любит почти так же, как мама.

– Ваш ужин, мисс Молли.

Молли совершенно не помнила, что ела в тот вечер, не чувствовала вкуса еды. Фанни озабоченно на нее косилась, потом подошла, потрогала лоб. Что-то ворча себе под нос, скрылась в глубинах кухни и вернулась, вручив девочке тарелку с большим куском клубничного пудинга.

Клубнику выращивали в особых теплицах, и стояла она, по меркам семей Сэмми или Билли, целое состояние.

Обычно Молли обожала клубничный пудинг, но сейчас механически глотала мелкие кусочки нежного теста, не замечая ягод.

В прихожей квакнула паропочта.

– Кому там нейдет, – разворчалась Фанни, направляясь к входной двери.

Там из пола выходил изогнутый патрубок пневматической, или, как ее называли в Норд-Йорке, паровой почты.

Шипение, чпок-чпок дверцы. И:

– Мисс Молли! – скандализованный голос служанки. – В-вам, мисс...

Письмо? Ей? А что, если... – у Молли подкосились ноги, – что, если Департамент уже обо всем проведал и точно знает, что она, Молли, – ведьма?

А ведьмам не место в Норд-Йорке.

Фанни рассказывала, дескать, давным-давно ведьм просто сжигали. Сжигали, пока они не успели никому причинить особого вреда, когда их тела исчезали в огненных взрывах. Правда, от этого ведьмы становились только злее и, прежде чем их успевали разоблачить или же они взрывались сами, ухитрялись натворить немало самого настоящего зла.

– Письмо, мисс Молли.

В доме доктора Джона Каспера Блэкуотера, M.D., взглядов придерживались свободных и либеральных, однако конверт Фанни подала по всем правилам, на серебряном подносе, сама – в белых перчатках.

Конверт был самым обычным конвертом. Налеплена марка, значит, отправлено с почтовой станции, а не из дома. Домовладельцы платят раз в месяц за каждое отправленное или полученное послание, на трубе установлен особый счетчик.

Mr. William S. Grafty
11 Holt Street, 25,
Nord York
NW 5 NY
The Kingdom

Miss Mollynaird E. Blackwater
14 Pleasant Street,
Nord York
NE 1 NY
The Kingdom

Dear Miss Blackwater,

Sammium was relocated two days ago with all of his family. The Special Department was involved. I cannot say anything else right now. I will meet you in person at the same place as before.

P. S. Destroy this letter immediately.

Being your most obedient servant,
William

Молли уставилась на письмо широко раскрытыми глазами. Хорошо еще рот не распахнула.

Билли никогда не усердствовал особо в школе, а тут – пишет, ровно Первый Лорд Адмиралтейства Ее Величеству Королеве. Сколько же он времени потратил, вырисовывая все эти буквы? Наверняка по шаблону делал, если на почтовой станции. Молли сильно сомневалась, что дома у Билли вообще бы нашлись перо и чернила.

И только тут до нее дошло, о чем же, собственно, писал Билли.

Сэмми попал в Особый Департамент.

Со всей семьей.

Билли не писал, у самого ли Сэма отыскалась склонность к магии или у кого-то из его многочисленных братьев и сестер. Может, скажет сам.

Черт, сказала про себя Молли. Вслух не рискнула – Фанни от такого подскочила бы до потолка и точно наябедничала бы маме. Ни чертей, ни ведьм, ни, тем более, магии служанка семьи Блэкуотеров на дух не переносила.

Черт, повторила она. В животе стало очень холодно, противно и неудобно.

Неужели Сэмми исчезнет так же, как исчезла Дженни Фитцпатрик?

Сейчас ей уже не выскочить. Мама вернется в любую секунду. Да и Фанни ни за что ее не выпустит.

Молли закусила губу. Билл не мог не понимать, что ей далеко не всегда удастся выйти на улицу так легко и просто.

И весть не подашь. Счетчик крутанется, папа непременно осведомится, какую отправляли корреспонденцию.

Только ждать. Тем более что Сэмми уже ничем не поможешь – его и всю семью, скорее всего, давно уже отвезли на юг...

– Кто это вам пишет, мисси, хотела бы я знать?

Рядом с Молли возникла подбоченившаяся Фанни.

– Подружка. Ты ее знаешь, Фанни, – Эмили. Эмили Данкинс.

– А, такая с черными волосами, как сажа?

– Ага. Предупреждает, что завтра в школу не придет, извиняется, она мне книжку вернуть должна была...

И, болтая самым непринужденным образом, юная мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, номер 14 по Плэзэнт-стрит, проходя мимо камина, небрежно уронила туда мгновенно вспыхнувший конверт.

* * *

С этого вечера у Молли в соседях прочно обосновался страх. По-хозяйски завалился к ней в комнату, расселся и явно никуда не собирался уходить.

Молли замерла на постели, накинув одеяло на плечи. Ладони зажаты между колен, она застывшим взглядом смотрела на дрожащий огонек толстой свечи. Ни спать, ни даже

просто лежать она не могла. Сэмми увезли. Смешного конопатого Сэмми, ее верного рыцаря. Почему, отчего? У него начала проявляться магия и Особый Департамент оказался тут как тут? Или не у самого Сэма, у кого-то из его родни? У братьев, у сестер, у мамы?

Неважно. Теперь их нет, никого, и они никогда уже не вернуться в Норд-Йорк. Даже если у самого Сэмми не отыщется ни грана этой самой магии, он останется на юге Королевства. В приюте, то есть – в рабочем доме. Или, в лучшем случае, в патронажной семье.

Молли попыталась представить, как она сама приседает перед чужой насупленной женщиной с полным красноватым лицом, как лепечет «пожалуйста, простите меня, мадам», а у мадам уже закатаны рукава серого уродливого платья, а ладонь сомкнулась на пучке розог.

Давно настал вечер, сгустилась тьма, вернулась со званого обеда мама, на локомотиве приехал из клуба папа; Фанни встретила их в прихожей, подала «поздний чай». Молли слышала приглушенные голоса родителей в гостиной, но даже не шелохнулась, хотя раньше наверняка побежала бы их встретить; сейчас она могла думать только о Сэмми. И о «Геркулесе».

Надо быть очень, очень осторожной. Никто ведь не знает наверняка, есть у нее эта самая магия или нет. В конце концов, могло ведь все это быть просто совпадением? Да и Сэмми не имеет к ней, Молли, никакого отношения, это совсем другое дело. Так чего же она трясется, почему приходится так себя успокаивать? Другу Сэмми уже ничем не поможешь, разве что самой отправиться на Юг его разыскивать – их ведь уже наверняка отправили из Норд-Йорка...

Молли так и забылась тревожным зыбким сном, сидя, привалившись к стене.

На следующий день вновь повалил снег. Повалил в таких количествах, что кое-где стали останавливаться паровики и локомотивы. На улицы выехало несколько жуткого вида зверообразных снегоуборщиков, Молли раньше всегда любила смотреть, как их лапы ловко загребают сугроб за сугробом, отправляя снег на транспортер. Из трубы валит пар, снег растапливается – эта вода пойдет на всякие нужды в депо и мастерских.

У рачительных хозяев Норд-Йорка ничего не пропадает зря.

Голова у Молли после вчерашнего гудела и раскалывалась. Она попыталась было покаяться, но нарвалась на поджатые мамини губы и выразительное: Моллинэр Эвергрин! Пришлось, выслушав многословные воспитательные тирады, выползть за дверь и тащиться в школу.

За порогом по лицу сразу же хлестнула жесткая снежная крупа пополам с угольной гарью. Небо нависало, свинцово-черное, и дым из бесчисленных труб Норд-Йорка смешивался с низкими, перевалившими Карн Дред облаками.

До школы Молли последовательно налетела на констебля, едва увернулась от локомотива и в последний момент выскочила из-под колес подкравшегося незаметно паровика. Вагоновожатый проводил ее возмущенным свистом.

В школе тоже все пошло сикось-накось и шиворот-навыворот.

На математике Молли долго и тупо пялилась в написанную на доске задачу – «Из гавани Дунберри и порта Норд-Йорк одновременно вышли навстречу друг другу дестроер и монитор...» Перед глазами немедленно появлялся изувеченный «Канонир», и Молли аж затрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения.

– Мисс Блэкуотер! У вас горячка? Что за кривляния? Уже закончили задачу? Покажите... почему страница чистая? Что значит «еще не взялись»?.. Посмотрите, другие уже заканчивают!

Молли обмакнула перо, но видела вместо разлинованной бумаги и набухающей чернильной капли лишь низкие тучи, косые шеренги бесконечных волн и борющийся с ними низкий монитор. Слева по борту вздымались дикие скалы негостеприимного вражеского

берега, над острыми вершинами то и дело что-то бесшумно вспыхивало – вернее, не совсем бесшумно, с коротким запозданием докатывались громовые разрывы.

Четырнадцать дюймов, не меньше. Четырнадцатидюймовые орудия BL Mk II, длина ствола 35 калибров, вес снаряда 1410 фунтов, максимальная дальность стрельбы...

– Мисс Блэкуотер!

Монитор с трудом удерживается на курсе. Оба его орудия главного калибра задраны вверх, с наибольшим углом возвышения. Вспышка, дым, вырывающийся из стволов, – корабельная артиллерия бьет перекидным огнем куда-то вдаль, за линию береговых скал.

Море возле самого борта монитора вдруг вскипает, черная вода сменяется вихрем белой пены, и могучий корабль вздрагивает, словно налетев на камни. Но нет, откуда здесь камни?..

По палубе под струями секущего дождя бегут матросы в штормовках, тащат нечто вроде здорового куска брезента. Из белой пены у борта возникает что-то иссиня-черное, не поймешь, то ли камень, то ли живое существо. Это черное вздыбливается до самых лееров, металл гнется, палуба опасно кренится, и монитор, отчаянно гудя – словно призывая на помощь, – дает задний ход. Инерция продолжает нести его вперед, правый борт сминается, словно не из крепчайшей стали, а из гнилой фанеры.

– Мисс Блэкуотер!

Молли подскочила.

– В кабинет директора. Немедленно. – Над ней нависала пышущая гневом математичка.

Директриса, миссис Линдгроув, к Молли вообще-то всегда благоволила. Еще бы, Молли всегда получала высшие баллы для школы на ежегодных испытаниях по математике, черчению и физике.

– Что случилось, Молли, дорогая? Ты нездорова? Миссис Перкинс подала на тебя уведомление...

– Д-да, госпожа директриса. – Молли разглядывала носки собственных ботинок. – Нездоровится. Да.

– Почему же ты не пошла к фельдшеру, мисс Найтуок? Почему не заявила учительнице перед началом урока?

– Д-думала, что справлюсь, госпожа директриса.

– Охо-хо, – вздохнула миссис Линдгроув. Она была уже немолодой и, несмотря на должность, не злой. В ее школе учениц секли, но так дело обстояло везде. – Иди-ка ты домой, Молли.

Это было совершенно неожиданно.

– Д-домой, госпожа директриса?

– Да, домой. Не до тебя сейчас. Ты отлично учишься, а каждый может почувствовать себя плохо. К тому же... – она встала, отодвинула штору, – к нам опять пожаловал Особый Департамент. Что-то зачастили они последнее время...

Ноги у Молли почти превратились в кисель.

А что, если это – за мной? Если они узнали, что я дружу... дружила... с Сэмом и теперь будут меня... того? А что, если Билли попался и выдал, что это я послала его разузнать, что случилось с Сэмми, а до этого еще и с «Геркулесом»?

– Беги домой. – Мисс Линдгроув поднесла ладонь ко лбу, как бы в крайнем утомлении. – Выспись как следует. Расскажи папе, доктор Блэкуотер – прекрасный врач, он, несомненно, разберется. Иди, Молли, иди. Мне надо встретить достопочтенных джентльменов Департамента.

Молли кое-как собрала книжки, накинула куртку, в два оборота замотала лицо шарфом. Швейцар мистер Баннистер как раз читал доставленную паропочтой записку миссис Линдгроув, что ученица мисс Блэкуотер отправлена домой распоряжением госпожи директрисы.

– Поправляйтесь, мисс. – Он вежливо приложил два пальца к козырьку вычурной фуражки.

– Спасибо, мистер Баннистер. Я...

Молли не закончила. Широкие двери школы распахнулись; пятеро или шестеро высоких мужчин в форменных кожаных пальто до самых пят, высоких крагах, кожаных же перчатках и круглых очках-консервах, как у самой Молли, шагнули через порог.

– Минутку, мисс, – жестяным голосом сказал шедший впереди, – покорнейше прошу задержаться. Проверка Особого Департамента. Пожалуйста, вернитесь в свой класс.

– Мисс нездоровится, она отпущена решением госпожи директрисы. – Отставной егерь, мистер Баннистер чтит дисциплину.

– Она не умирает и не истекает кровью, – сухо возразил департаментщик. – Вернитесь в свой класс, мисс.

На рукаве у него пониже эмблемы Департамента красовались три угольчатых шеврона. У остальных – по одному.

Делать нечего. Молли очень медленно повернулась на негнущихся ногах и потащилась следом за проверяющими. Один из них нес на плече треногу, двое других – камеру под холщовым покрывалом.

– Поторапливайтесь, мисс.

Мисс пришлось поторопиться.

...В классе шла уже знакомая процедура. Одна за другой девочки усаживались перед камерой, досмотрщик крутил ручку, другой – заглядывал куда-то во чрево камеры, и несчастной бледной ученице, к ее великому облегчению, разрешалось встать.

– Мисс Блэкуотер! Ваша очередь.

Ей показалось или досмотрщик с тремя шевронами как-то очень нехорошо на нее поглядел?

Ноги по-прежнему еле слушались, душа ушла в пятки, сердце бешено колотилось. Магия... папа... мама...

– Смотрите прямо в объектив, мисс, не вертитеесь, – сухо бросил департаментщик.

Молли собрала все силы и взглянула прямо в тускло поблескивающие линзы. В тот миг они показались ей нацеленным прямо на нее орудийным стволом.

Рука в кожаной перчатке двинулась, Молли услышала, как внутри камеры негромко шелестят зубчатые шестеренки.

«Их не смазывали, – подумала она. – Давно уже не смазывали. Наверное, некому. Они там все такие важные, ловят тех, у кого проявляется магия, а до шестеренок в камере ни у кого не доходят руки...»

Она вдруг стала с такой настойчивостью думать об этих несчастных шестеренках, остающихся голодными без доброго машинного масла, что досмотрщику пришлось повторить ей дважды, что она свободна и может встать.

Домой Молли летела. Слабость из ног ушла, словно... словно по волшебству.

Фанни, конечно, заохала и заохала. Из гостиной появилась мама, выразила некоторое беспокойство. Впрочем, у Молли не было температуры и вроде как ничего не болело.

– А, ну, понятно, – переглянулись мама с Фанни. – Идите ложитесь, Молли. Уроки сделаете после, если будете хорошо себя чувствовать.

К вечеру Молли совсем пришла в себя. Она должна, обязательно должна повидать Билли. Он небось уже второй день ждет ее на остатках старой эстакады; она была местом их с Сэмом, теперь, похоже, будет ее и Билли...

...Из дома она смогла выбраться только послезавтра. Ничего сверхъестественного с ней за это время не случилось, и Молли слегка воспряла духом. Она осторожно повыспрашивала у папы, что может случиться с теми, кого «отправили на юг» из-за магии, найденной у кого-то из их семей, а когда доктор Блэкуотер выразительно поднял бровь, торопливо рассказала об исчезнувшей Дженни Фитцпатрик.

– Ничего плохого, конечно же, – пожал плечами папа и тотчас принялся немилосердно тереть свой многолинзовый монокль. – Конечно, у кого нашли магию, тому не позавидуешь – их держат взаперти, в особых камерах... пока магия не достигнет... э-э-э...

– Джон Каспер Блэкуотер! – возмутилась мама. – Зачем вы ведете с Молли столь неподобающие разговоры?!

Папа немедля смутился и более не продолжал.

С Билли они встретились, когда на Норд-Йорк опять навалилась метель. Зима выдалась куда холоднее и многоснежнее обычного. Билли замотал лицо шарфом, то и дело заходясь в кашле.

– Они забрали Сэмми, всю семью. И отца его тоже, представляешь? Привезли под конвоем.

– Так, а у кого нашли магию-то?

Билли только махнул рукой и поспешно спрятал мерзнущие ладони обратно в рукава худого пальто.

– У двоих сразу, представляешь? У мамыши Сэммиума и у его младшего брата.

– Погоди, у Джорджа, что ли?

Билли покачал головой.

– Не смог узнать. Но у кого-то из младших, да. И всех забрали.

– А как узнали-то? – не отставала Молли. – В школе?

– У мамки-то его – на фабрике. Внезапная проверка. Приехало две команды с этими, как их, ну, которые на треногах. Людей просвечивают. Говорят, тогда магия видна становится. А потом, я узнал, и домой пришли, и давай всю ребятню просвечивать тоже. Ну и... братца зацепили.

– Это ж жуть какая-то, да, Билли? Живешь, никого не трогаешь, а потом ррраз, и говорят, что нашли у тебя магию. И... и все.

– Это как чума красная, – авторитетно заявил Билли, шмыгая носом и безо всяких церемоний утирая сопلي рукавом. – Тоже вот живешь так, а потом ррраз! Сосед, старый Митч, рассказывал – в семьдесят шестом, в Петуарии, народ болел – то ж самое. Сегодня здоров, а завтра кровью харкаешь, а послезавтра и вовсе помираешь. Так что, мисс Молли, еще что-нибудь для тебя узнать?

– Нет пока, – вздохнула Молли. – Как мама-то у тебя, работу нашла?

– На биржу ходила, – скривился Билли. – Говорят, «мы вам сообщим». Завтра к старым докам пойдет, там поденную работу найти можно. И я вместе с ней, если ты, мисс, мне ничего не подкинешь. Ты подумай, точно никого поколотить не требуется?

Молли грустно покачала головой.

Никому уже не помочь. Ни робкой, молчаливой Дженни, ни верному другу Сэму. Остается только дрожать, вспоминая яркие пугающие видения – и с «Геркулесом», и с монитором.

И тогда, на последней проверке – теперь вспоминала она – старший из департаментских... как-то нехорошо он на нее смотрел. Или это уже, что называется, у страха глаза велики?

Мало-помалу приближалось Рождество. Молли старалась в школе – скоро дадут полу-годовые табели, а мама не признает никаких оценок, кроме «ААЕ»⁴, выведенных почерком миссис Линдгроув.

Билли крутился поблизости, но таким другом, как Сэм, все-таки не стал. «Геркулес» и «релокация» семьи Сэмми их сблизили, но не до тесной дружбы.

На развалины старой эстакады Молли больше почти не ходила. Только когда тоска становилась совсем уж черной.

Билли словно чувствовал, возникал из вечерних сумерек, садился рядом. Они молчали. Иногда мальчишка осведомлялся, нет ли у мисс Молли какой-нибудь работы. Молли становилось стыдно – она предложила как-то Билли несколько шиллингов «просто так», однако он отказался.

– Не, мисс Молли. Я так не привык. Мы с мамкой отродясь не побирались. Ничего, справимся.

...В тот вечер Молли уныло шагала домой. На остатках эстакады она просидела почти полчаса, но Билли не появился.

Снега валили с самого начала декабря. Улицы Норд-Йорка было некому расчищать, машины не справлялись.

И тогда Молли и увидела вновь тех самых Rooskies.

Трое. В ярких оранжевых жилетах поверх рубаш – знаменитые touloupes куда-то исчезли – они грузили снег в кузов локомотива.

Трое. Двое немолодых бородачей и... и тот самый мальчишка, которого она, Молли, впервые увидела возле «ворот № 14».

Работали все они легко, словно и не приходилось им ворочать пласты слежавшегося снега, перемешанного с угольной гарью. Наблюдал за ними один-единственный констебль, и притом непохоже было, что он особенно опасается побега его подконвойных.

Молли пригляделась – нет, ни цепей, ни каторжных ядер, ничего. Rooskies были свободны... ну, почти свободны.

Отчего-то это... разочаровывало. Варвары в книгах были дремучи, яростны, неукротимы и предпочитали смерть плену – ну, разумеется, до того, как главный герой – джентльмен Королевства или же леди – не объясняли ему его заблуждения.

Rooskies, загадочные обитатели северных стран, областей за Карн Дредом, которые королевским картографам так и не удалось нанести на чертежи, не должны были покорно грузить снег! Вот просто не могли, и все.

И уж в особенности не должен был старательно трудиться под присмотром одного-единственного констебля мальчишка с соломенными волосами и жестким, волчьим прищуром серо-стальных глаз.

Не волк он уже тогда, а... а...

Молли замедлила шаг. И вдруг поняла, что Rooski видит ее. И не просто видит, а знает, кто она, что узнает ее. Причем узнает, даже не повернувшись, не взглянув на юную мисс Блэкуотер.

Справа и слева по Плэзент-стрит горели газовые фонари, светились витрины приличных – здесь других не водилось – магазинов. Торопливо шагали леди и джентльмены, медленно проезжали тяжелые локомотивы, невдалеке свистел, готовясь отправиться от остановки, местный паровичок. Линия пересекала Плэзент-стрит, помилуйте, разумеется, мама Молли никогда б не согласилась жить «с этими ужасными свистками и гудками под самыми окнами».

---

⁴ ААЕ – Above All Expectations, Сверх Всяких Ожиданий.

Тихо и мирно все. Стоит, позевывая, еще один констебль, глядит на карманные часы, верно, кончается смена.

– Стой! Куда! – Молли подпрыгнула – из часовой лавки Каннингхема и Прота, пригибаясь, вдруг вырвалась донельзя знакомая фигурка, бросилась через Плэзент-стрит, ловко нырнула чуть ли не под колеса локомотива и бросилась дальше, к просвету меж домами, где начиналась мусорная аллея, что вела на Геаршифт-стрит.

Билли. И что-то прижимает к груди.

Ой-ой-ой!..

– Стой, воришка! – Вдогонку за Билли мчались сам мистер Каннингхем, тощий, длинноногий, и двое его приказчиков. – Держите его! Полиция! Полиция! Держи вора!

Молли оцепенела, прижимая ладошку ко рту.

Очень удачно подкатывал паровик – Билли лихо проскочил прямо перед ним, несмотря на негодующие свистки машиниста, мистер Каннингхем и его приказчики поневоле замедлились – однако на другой стороне Билли нарвался прямо на констебля, что сторожил тропицу Rooskies.

– Стой, паршивец! – И констебль ловко соскочил с кузова локомотива, направляя на Билли револьвер.

Он не шутил.

Билли растерялся лишь на самый миг, но констеблю этого хватило. Рука его в кожаной перчатке немедленно и крепко вцепилась Билли в воротник.

С другой стороны Плэзент-стрит показался хорошо знакомый локомотив в цветах Особого Департамента.

Билли забарахтался в воздухе, отчаянно пинаясь. Здоровяк-констебль легко удерживал его над мостовой.

– Держи... ах... ох... ух... вора!.. – подоспел запыхавшийся мистер Каннингхем. – Да, это он, это он, ух... ох... благодарю вас, констебль...

Двое старших Rooskies по-прежнему меланхолично закидывали снег в кузов. Они даже не обернулись, словно показывая, что происходящее их никак не касается.

Зато обернулся мальчишка. Впрочем, и он тоже смотрел отнюдь не на дергающегося Билли. Он смотрел на Молли, смотрел прямо в глаза, невежливо, нахально и совершенно, ну совершенно по-варварски!

Словно ждал чего-то.

Констебль отвлекся, однако никто из Rooskies не попытался бежать. Кидали себе снег, да и все. Равнодушные, покорные.

Мальчишка же стоял, опершись на лопату, и глазел на Молли.

Билли меж тем поставили на ноги, и мистер Каннингхем, уперев руки в боки, что-то возбужденно излагал констеблю. Тот, успев пристегнуть Билли наручником к длинной и тонкой цепи, приклепанной к форменной португее, с важным видом записывал показания владельца лавки в книжечку, поминутно кивая. Потом грубо дернул отворот пальто Билли, запустил руку тому за пазуху, извлек на белый свет что-то золотисто блеснувшее. Карманный хронометр.

Молли мысленно застонала. Билли, Билли, ну какой же ты дурачок!..

Она должна что-то сделать. Попавшегося на краже малолетнего воришку закуют, как взрослого, отправят к судье. Присяжных ему, само собой, не полагается. Судья определит наказание – рабочий дом для малолетних. Впрочем, это только так называется – «рабочий дом», а на самом деле – чистая каторга.

Она знала, где в Норд-Йорке такой дом. В южной части, за старыми доками, зажатый меж двух дымящих трубами заводов – сталеплавильным и сталепрокатным. Видела тех, кто угодил «в работы». Правда, видела всего один раз, когда они с мамой ехали на локо-

мобиле к Южному вокзалу. Мама поджимала губы и громко жаловалась, что на здешних улицах приличному джентльмену, не говоря уж о леди, и появиться страшно, а Молли, расплющив нос о стекло, смотрела, смотрела и смотрела на чудовищные здания фабрик, казавшиеся неведомыми чудовищами, обвитыми паропроводами, словно кровеносными артериями и венами.

Их соединяли арки эстакад, грубо склепанные из стальных ферм, по ним туда-сюда сновали паровики, иные, чем в городе, низкие и пузатые, даже на взгляд куда мощнее.

И рядом с ними, прямо по рельсам, тащилась длинная цепочка мальчишек в оранжевых жилетах поверх арестантских роб.

Вот туда и попадет Билли.

Он уже не сопротивлялся, шмыгал носом, глядя в землю.

Локомотив Особого Департамента притормозил было, однако не остановился, медленно проехал мимо.

«Сейчас», – услышала Молли.

Беги, Билли!

Она закричала. Или это ей только показалось? Однако она очень-очень четко вдруг представила, как у пыхтящего локомотива, в который пленные Rooskies грузят снег, из топки вырывается сноп пламени, клапана срывает, из каждой муфты, из каждого золотника бьют струи свистящего пара, локомотив судорожно дергается, словно лошадь под кнутом. Констебль от неожиданности взмахнул руками, как-то неловко задел пряжку собственной портупей, и она расстегнулась. Билли, не будь дурак, в один миг подхватил упавшую цепочку от надетого ему на запястье браслета и кинулся наутек – в ту самую мусорную аллею, оставив в руках констебля добычу.

– Держи! Держи-и-и! – хором завопили и констебль, и мистер Каннингхем, и оба его приказчика. Не успевший далеко отъехать локомотив Департамента окутался паром и встал как вкопанный.

Констебль дернулся было вдогонку за Билли, но вовремя вспомнил о вверенных его попечению подконвойных. Мистер Каннингхем топал ногами, но, получив обратно свои часы, гнаться за кем бы то ни было явно не намеревался. Оба приказчика тоскливо переглянулись и, вяло крикнув «держи!» пару раз, затрусили следом за Билли ко входу в аллею.

Не догонят ни за что, подумала Молли. Аллея соединяла Плэзент-стрит с Амелия-роуд, а следующей была уже Gearshift с эстакадой скоростного паровика, за которой начинались совсем другие кварталы. Там Билли, если не знать, кто он, хоть год ищи, не сыщешь.

Молли очень осторожно повернулась. Локомотив, где только что гордо восседал констебль, замер, накренившись набок, одно из колес как-то странно вывернуло. Облако пара окутывало его по-прежнему, а языки пламени, вырвавшись из топки, жадно лизали все вокруг, словно надеясь отыскать хоть что-нибудь годное в пищу, кроме холодного металла.

Локомотив Особого Департамента дал задний ход.

– Вот ведь что за чертовщина! – Констебль сокрушенно всплеснул руками. – Мистер, вы, э-э-э...

– Каннингхем, констебль. Микаэль Дж. Каннингхем-младший, – с готовностью выпалил хозяин часовой лавки.

– Э-э-э, мистер Каннингхем, вы уведомление о правонарушении составлять желаете? – Судя по виду констебля, ему этого бы отчаянно не хотелось. И мистер Каннингхем все понял правильно.

– Уведомление о правонарушении, констебль? О, нет, к чему лишние бумаги? Мальчишка не нанес никакого ущерба, наверняка уже далеко, в своих трущобах. Вот благодарственное отнесение вашему начальству я бы составил с превеликим желанием, констебль!..

– Весьма признателен, мистер Каннингхем, весьма признателен!.. – подкрутил усы констебль. – Эй, вы, работай давай! – гаркнул он на пленных. – Что, непонятно? Raboutai! Trud, trud! Bistro!

Пленные задвигались чуть быстрее.

Мальчишка коротко оглянулся, вяло и как бы равнодушно скользнул глазами по улице. Плэзент-стрит уже возвращалась к обычной жизни – покачав головами и повозмущавшись падением нравов, шли себе дальше леди и джентльмены, няня в длинном пальто что-то наставительно втолковывала мальчику и девочке лет пяти-шести, нагибаясь к ним и указывая пальцем на аллею, где скрылся Билли.

Молли столкнулась с мальчишкой-Rooski взглядом и тотчас отвернулась.

«Иди домой», – услышала она.

Не задаваясь вопросом, кто это говорит и откуда, просто сделала, как сказано.

Позади нее локомотив Особого Департамента замер возле вытянувшегося во фронт констебля.

Трое Rooskies по-прежнему грузили снег. Пребывая во все той же меланхолии.

4

Молли понимала, что Билли должен исчезнуть. Во всяком случае, именно так поступали герои всех ее любимых книг. Конечно, юная мисс Блэкуотер прекрасно знала, что воровать очень нехорошо. Но... но мистер Каннингхем был, во-первых, и так богатый, во-вторых, очень вредный, и, в третьих, Билли надо было помогать маме. Благородные разбойники всегда грабили богатых и делились добычей с бедными. Об этом тоже писалось во множестве прочитанных Молли книг.

У Билли мама осталась без работы. Ему самому ее найти тяжело. «Кто не успел, тот опоздал». Даже если возьмут младшим смазчиком, платить будут хорошо если два пенни за целый день...

Не, не, нечего тут даже и сомневаться, – потрясла головой Молли. Билли скрылся. Не ищи его сейчас. Он тебя сам отыщет, если что. И вообще, вот-вот Рождество, оценки в школе хорошие, снова тянет чертить корабли и рисовать фантастические паровые шагоходы.

А магия... что магия? Привиделось что-то. Совпало так. Ее ведь просветили департаментские, просветили и ничего не нашли. Так что успокойтесь, мисс Моллинэр Эвергрин, и забудьте об этом.

А локомотив тот тоже сам подвзорвался.

Она сама не знала, откуда пришли эти спокойствие и уверенность. Может, из снов? Ей теперь почти каждую ночь снились сны, яркие, цветные – с расстилающимися бескрайними, уходящими за горизонт заснеженными лесами, белыми просветами покрытых льдом озер. Со вздымающимися горными пиками, что стоят неколебимой стеной, защищая лесную страну. С реками, с быстрыми водопадами, срывающимися со скал и не замерзающими даже в лютую стужу.

Это были просто леса, леса и ничего больше.

Но отчего-то Молли становилось покойно, тревоги уходили. И да, снова хотелось рисовать.

Однако теперь все чаще она рисовала не дестроеры с мониторами, не бронепоезда с орудиями, а горы. Просто горы. Срывающиеся с них серебристо-льדיстые потоки, ускользающие, словно жемчужные змейки, куда-то на полночь. Низкое зимнее солнце над уходящими в бесконечность лесами. И еще одну гору, отдельную, черную, единственную из всех не одетую снегами, как иные вершины Карн Дреда. Собственно, она вообще не была частью

хребта, отделявшего Королевство от Диких Земель. Молли рисовала ее всегда стоящую саму по себе, и лесное море билось, словно прибой, о ее иссиня-черные, словно закопченные, склоны.

Откуда это, что это и почему, Молли не задумывалась. Просто рисовала.

Ей почему-то казалось, что теперь все наладится. Вообще все-все-все. Жалко Сэмми и его семью, жалко Билли. Но последнего, похоже, все-таки не поймали. Молли несколько раз сходила в те кварталы, перебросившись парой фраз с полужнакомыми ребятами, о которых упоминал в разговорах Билли, – он исчез. Правда, его мать не особенно беспокоилась, а отвечала примерно так же, как родители несчастной Дженни Фитцпатрик: Билли уехал в поисках работы к дальнему родственнику, правда, не на юг, а на запад.

Все это, конечно, были просто уличные слухи; но так хотелось верить, что у Билли все хорошо! И что Сэмми, который, как утверждал тот же Билл, никак не был замаран с магией, попадет в хорошую приемную семью – бывают ведь хорошие приемные семьи, правда?

Живи и радуйся, Молли.

Рождество подкатывало, по улицам выставляли елки в витринах лавок и магазинов, богатые дома украшались гирляндами и венками из омелы. Зажигались большие цветные фонари со свечами. В газете изо дня в день рассказывали о неторопливом, но верном продвижении доблестных горнострелков и егерей к перевалам; весной, утверждалось, войска двинутся уже за Карн Дред. «Геркулес» получил новый броневagon, отремонтировали старичка «Гектора», и бронепоезда, оглашая паутину рельсовых путей пронзительным свистом, раз за разом отправлялись на север.

И мониторы с крейсерами и дестроерами тоже не отстаивались в гавани, несмотря на пронзающий ветер с гор. Все шло самым наилучшим образом. Папе, правда, теперь приходилось проводить все больше и больше времени в разъездах на своей паровой дрезине, пользоваться больных и раненых.

Никакие видения больше Молли не посещали. Все, случившееся так недавно, стремительно начинало казаться просто дурным сном – все ее страхи, предвидения и так далее.

У нее ничего нет. Нет никакой магии. Совершенно не о чем беспокоиться.

Несколько раз она встречала на своей улице и на соседних все того же мальчишку из пленных Rooskies – он то грузил какие-то мешки и ящики, то, стоя на опасно покачивающейся лестнице, исправлял газовый фонарь, чему Молли несказанно удивилась – как это дикий варвар может что-то там исправить?

В общем, он тоже становился чем-то привычным, частью городского пейзажа, как и разносчики, трубочисты, зеленщики, молочники, вагоновожатые, извозчики и прочий им подобный люд.

В тот день – ровно за неделю до Рождества, когда Норд-Йорк наконец-то смог очистить улицы и площади от некстати нападавшего снега – Молли возвращалась домой по нарядной Плэзент-стрит. Соскочила с подножки пересекшего улицу паровичка и весело, вприпрыжку, побежала домой.

Между тротуаром и проезжей частью, то уворачиваясь от колес локобилей, то кидаясь к ногам прохожих, металась большая, красивая кошка. Ухоженная и пушистая, явно домашняя. Металась, отчаянно мяукала, искательно глядя снизу вверх на людей: «А я точно не ваша кошка? Может, это вы меня потеряли?..»

Кошку Молли всегда хотелось. Но, увы, с мамой это выходило за грани возможного, и тут не помог бы даже папа.

Тем не менее шаг Молли невольно замедлила. Как же ты оказалась на улице, такая красивая, чистая, бело-палевая, совсем не похожая на тощих и облезлых обитательниц помоек?

По Плэзент-стрит среди других не шибко многочисленных локобилей двигался и локобиль с эмблемой Департамента. Мельком Молли подумала, что стала встречать их

невдалеке от своего дома слишком уж часто – вспомнить хотя бы, когда чуть не попался Билли!

Кошка, едва не получив пинок от какого-то раздраженного джентльмена, обиженно и разочарованно взмякнула и кинулась прямо на дорогу.

– Ой! – не успела испугаться Молли.

Локомотив Департамента вдруг нелепо дернулся, из цилиндра ударила со свистом струя пара. Насмерть перепуганная кошка взвилась, только не в ту сторону, и Молли уже видела, как на нее накатывается массивное заднее колесо локомотива.

– Нет-нет-нет-нет! – Молли сжала кулаки, прижимая их в ужасе к лицу. – Нет-нет-нет, увернись, пожалуйста!

И схватила кошку за шиворот.

Вернее, ей, конечно же, показалось, что схватила. Потому что где она и где кошка?

Тем не менее кошку и впрямь словно выхватила из-под колес и отбросила прочь чья-то невидимая рука. И она же, эта рука, резко дернула за рычаг у цилиндра в локомотиве, так, что тот заскрежетал, окутываясь облаками пара.

Донельзя похоже на то, как случилось с Билли.

Кошка очумело завертела головой, а потом бросилась напрямик к Молли.

Из накренившегося вдруг набок локомотива поспешно выбрались двое в длинных кожаных пальто и сверкающих шлемах с черно-бело-красными короткими плюмажами.

Выбрались и решительным шагом направились прямо к Молли. Та замерла, оцепенев и разинув рот.

Кошка, мурлыча, принялась тереться ей о ноги. Похоже, она не сомневалась, что нашла себе новую хозяйку.

Молли, оцепенев, не чуя собственных колен, только хлопала глазами, глядя на приближающихся департаментских.

Кошка вдруг резко выгнула спину, хвост встал трубой, и она яростно зашипела – ей, похоже, сотрудники Особого Департамента чем-то очень не понравились.

Оба мужчины остановились, нависая над Молли. Очки-консервы опущены на глаза – как и у самой мисс Блэкуотер, – за ними не видно глаз.

– Как вас зовут, мисс? Имя, фамилия, место жительства?

Кошка неистово шипела.

«Соври!» – резко вспыхнуло в голове.

– М-мэгги, сэр, – пролепетала Молли. – Мэгги Перкинс. То есть М-маргарет. Маргарет Перкинс, сэр.

– Место жительства, мисс... Перкинс? – один из департаментских достал переплетенный в кожу блокнот с вытесненной эмблемой их службы.

– Пистон-стрит, двадцать один, квартира девятнадцать! – без запинки выпалила Молли и только потом сообразила, что назвала адрес Сэмми. И не только адрес, но и его фамилию. Больше того, у самого Сэмми имелась старшая сестра Маргарет.

– Благодарю, мисс Перкинс. Думаю, вам придется отправиться сейчас с нами, вашим родным мы сообщим по почте.

– М-мне? С-с вами? – Молли попятилась. В животе сжался ледяной липкий комок, ноги подкашивались самым постыдным образом.

– Да-да, с нами, – кивнул один из департаментских. – Покажите ей жетон, Джоунз...

«Беги!» – вновь раздалось в голове.

Однако ноги у Молли совершенно ослабели, она глядела на возвышающихся над ней мужчин зачарованно, словно птичка перед удавом.

«Беги!» – уже с каким-то отчаянием выкрикнул голос.

И вновь она не сдвинулась с места.

Раздался грохот. Справа, у стены, рухнула высоченная приставная лестница, а вместе с ней свалился...

Тот самый Rooskii. Тот самый мальчишка. Вместе с ним грохнулись мотки каких-то не то проводов, не то веревок, молоток, целый набор шлямбуров, отверток, гвоздей, дюбелей и шурупов. Все это богатство разлетелось по булыжному тротуару, а сам мальчишка, изо всех сил выкрикивая с диким акцентом: «Сорри! Сорри!» – метнулся прямо под ноги департаментским.

«Беги, дуреха!»

– Ты, бестолочь! – заорал один из них. Нагнулся, схватил мальчишку за шиворот.

– А... э... сорри, сэр... сэр, плиз... сэр... – жалобно заскулил он, умильно-униженно складывая руки.

У Молли словно что-то взорвалось внутри. Ноги сами сорвались с места.

Оба охотника смотрели сейчас только на неуклюжего мальчишку. Неподвижно застывшая робкая девчонка, конечно же, не способна никуда деться.

И вновь кто-то словно вколачивал в сознание Молли команду за командой:

«Первый шаг медленно. За локомотив. Второй быстрее. Смотри, паровик! Паровик на пересечке! За ним! Быстрее! Прыгай!..»

...Со стороны это все выглядело вполне заурядно и обыденно. Достопочтенные джентльмены Особого Департамента задали какие-то вопросы прилично одетой девочке и явно разрешили ей уйти. Потому что она отнюдь не побежала от них сломя голову, а вполне спокойным шагом отправилась к паровику и, лишь видя, что он вот-вот отправится, побежала за вагоном.

– Уффф... – вырвалось у Молли. Она сунула кондуктору проездной, тот кивнул, сунул в пасть паровому компостеру, повернул рычаг.

Ничего вокруг себя не видя, Молли протиснулась вглубь паровика. Осторожно глянула в промежутки между пассажирами – оба департаментских судорожно озирались, явно ее разыскивая. Мальчишка по-прежнему ползал у их ног, надо полагать, бормоча извинения с жутким своим акцентом.

Паровик пересек Плэзент-стрит и локомотив Особого Департамента и скрылся из виду.

Молли соскочила, не дожидаясь следующей остановки, когда кондуктор смотрел в другую сторону. Соскочила и сразу же бросилась в проем между домами, шмыгнула между мусорными баками, повернула раз, другой, третий...

Эти места она знала лучше, чем собственные пять пальцев.

Над землей здесь тянулись выгнутые наподобие огромных колен газопроводы, Молли одним движением взлетела по ржавым ступеням и залегла, забившись меж двух широченных труб.

Локомотив Особого Департамента стоял все там же, а вот оба достопочтенных джентльмена в касках с черно-бело-красными плюмажами, словно безумные, бежали от него в разные стороны.

По-прежнему ползал на коленях, собирая свое добро, мальчишка-Rooskii.

Молли выждала. Сердце колотилось безумно, однако она выжидала. И, когда сияющие каски Департамента удалились достаточно далеко, быстро спустилась и перебежала дорогу.

– Мяу! – настойчиво сказала бело-палевая кошка, преспокойно входя вместе с Молли в переднюю. Через порог она махнула одним движением, так, что и не остановишь. Замерла на миг, огляделась, вновь уверенно сказала Молли «мяу!». Звучало это так, что, мол, «теперь я твоя кошка».

И взбежала на мягких лапках вверх по ступеням. Не пошла в кухню, откуда тянуло вкусными запахами, не сунулась к двери в подпол, где жили крысы, с завидной регулярностью пугавшие и маму, и Фанни, – нет, сразу махнула на второй этаж.

Молли бросилась следом.

– Мисс Молли! – раздалось возмущенное.

Фанни. Ну конечно же. Еще большая ревнительница приличий, чем мама.

Пришлось задержаться.

Молли изо всех сил старалась вести себя как ни в чем не бывало, весело отвечала что-то Фанни, не запоминая ни вопросов, ни собственных слов.

Зачем она потребовалась Департаменту? Куда ее хотели увезти, что с ней сделать? Ой-ой-ой, она ведь уже почти поверила, почти успокоилась, что никакого отношения к магии не имела и не имеет!

Они решили, что она – ведьма? Что... что вытащила кошку из-под колес благодаря этой самой «волшебной силе»?

Ой. Ой. Ой.

Молли поднялась наверх, к себе. Ничего не видя вокруг, плюхнулась на кровать. Рука погрузилась во что-то мягкое, шелковистое, довольно заурчавшее.

Кошка! Свернулась себе клубком на покрывале, словно целый век тут прожила!

– Что же мне с тобой делать... – прошептала Молли, глядя в большие зеленые глаза.

– Мррр! – решительно сказала кошка. И потерялась о Моллины пальцы.

«Тут чеши, хозяйка».

Молли почесала кошку за ухом.

– Пыррр! – сказала та, довольная, и прикрыла глаза.

Отчего-то с урчащей кошкой рядом становилось не так страшно.

Но ведь она теперь преступница! Убежала от дознавателей Особого Департамента. Конечно, узнать ее будет затруднительно. Низко надвинутый шлем, очки, нос и рот Молли обычно заматывала шарфом, но сегодня он сполз. Тем не менее – так просто ее не опознаешь. Конечно, адрес и фамилию они проверят... а там будет написано, что Маргарет Перкинс со всей семьей подпала под релокацию. Там навверняка световрафическая карточка, но, опять же, так просто не установишь, кто есть кто. Начнут послышать сообщения, запросы, какое-то время потребуются, чтобы получить ответы, сопоставить, решить...

И тогда они, конечно, поймут, что кто-то назвался именем девочки, уже давно находящейся на Юге Королевства, в приемной семье... или в приюте, кто знает.

И только после этого они вновь вернутся на Плэзент-стрит.

Но они вернутся. Непременно.

Станут обшаривать дом за домом. Медленно, неторопливо и методично. Пока не найдут.

И что ей делать тогда?

И что ей делать, если... страшно даже подумать... если все-таки это та самая *магия*?

Она сидела, раскачиваясь вперед-назад, и гладила кошку. Гладила и гладила, слушая довольное пырчание, зарываясь пальцами в мягкую чистую шерстку.

«Кто же выбросил тебя, такую красивую, такую ласковую?» – невольно подумала Молли, несмотря на все беды сегодняшнего дня. Эх, хоть бы разрешили тебя оставить... но ведь не разрешат. Скажут – «чтобы дряни этой тут не было! Немедленно! Сейчас же!...»

– Мисс Молли! – в дверях застыла донельзя скандализованная Фанни. Застыла, словно монумент Обличающего Долга. – Что *это*? Вот это? На покрывале?!

В груди Молли шевельнулась глухая злость. Мне ничего нельзя, у меня никого не осталось. А теперь отберут и кошку...

– Это кошка, Фанни.

– Вижу, мисс, что не крокодил! – Горничная уперла руки в бока. – Ваша матушка, миссис Анна, будет очень, очень недовольна. Давайте-ка, по-хорошему, по-быстрому, выкинем эту тварь через заднюю дверь, и всего делов. А, мисс Молли?

– Это *моя* кошка, Фанни.

– Ну-ну, мисси, – сощурилась служанка, – посмотрим, что скажет миссис Анна. А я уж ей сообщу, не сомневайтесь. Потому как за этой дрянью убирать ничего не буду.

– Шшшш! – ответила кошка. И слегка подобралась.

– Ишь ты, еще шипеть на меня будет! – рассвирепела Фанни. – Ну все, мисси, я иду. К вашей матушке!

– Ступайте, Фанни. – Молли очень старалась, чтобы это прозвучало холодно и строго.

– Хм! – Служанка гордо задрала нос, повернулась и затопала вниз по лестнице. – Миссис Анна! Миссис Анна! Тут у нас такое...

– Сейчас нас выгонять будут, – шепотом сказала Молли кошке, словно та могла ее понимать. – Но ты не уходи далеко, хорошо? Я тебя подкармливать буду. Может, у нас на заднем дворе поживешь?

– Мррр, – задумчиво сказала кошка. И встала.

– Молли! – Это уже мама. И, естественно, вне себя от ярости. – Молли, как вы могли... как вы дерзнули... потрясающе... вопиющее непослушание... не будь я человеком современным, клянусь, выпорола бы вас так, что на всю жизнь бы запомнили!..

Молли очень захотелось спросить маму, пороли ли ее саму так, что она «запомнила на всю жизнь». Но испугалась – испугалась саму себя, поднимающуюся откуда-то из глубины холодную, ледяную злость, жестокую и рассудочную.

– Немедленно! Чтобы этой хвостатой... хвостатой гадости здесь не было! А потом лично, мисси, лично, ручками все тут отмоете и перестираете! Я не собираюсь заставлять делать это беднягу Фанни!

– Мр, – ободряюще сказала кошка, глядя на Молли. Та осторожно протянула руки, и кошка дала себя взять.

– Фу! – брезгливо отстранилась мама. – Помойкой-то как разит!

Это было неправдой. Кошка совершенно не пахла никакими помойками, но возражать было уже бессмысленно.

Молли медленно шагала вниз по ступеням. Словно конвой, позади спускались мама и Фанни.

– На улицу эту тварь! Быстро! – приказала мама.

Фанни, удовлетворенно ухмыляясь, протопала в кухню.

– С вашего разрешения, миссис Анна, пойду. У меня соус доспевает.

– Конечно, конечно, Фанни, милочка. А вы, мисси, – я кому сказала? Тварь – на улицу!

– Хорошо, – сквозь зубы сказала Молли. – Только можно тогда на задний двор? Не хочу, чтобы ее сразу же убили.

Молли опустила обязательное «мама», но это, похоже, прошло незамеченным.

– Ладно уж, – мама поджала губы. – Но только быстро! И чтобы я видела!

Она широким и быстрым шагом направилась через гостиную в кухню.

Молли плелась следом, держа на руках спокойно помуркивающую кошку.

Фанни с выражением нескрываемого удовольствия распахнула заднюю дверь, что вела к мусорным бакам и прочему.

– Быстро!

Молли вышла на середину кухни и остановилась.

Мама и Фанни обе глядели на нее.

А из угла кухни на них всех глядела крыса.

Огромная, отвратительная и наглая крыса. Серый крысюк.

Крыс в Норд-Йорке было немало. Их травили, но без особого успеха; мама, смертельно их боявшаяся, регулярно нанимала крысоловов и крысобоев, раскидывавших в подвале и на заднем дворе отравленные приманки. Правда, помогало это не очень. Если же честно – то не помогало совсем, по мнению Молли.

Крыса выбежала из угла, ничего не боясь, потрусилась через кухню.

И тут ее заметили и Фанни, и мама.

Дальнейшее не поддавалось никакому описанию.

Фанни завизжала, кинулась к дверям, зачем-то их захлопнула. Заметалась бестолково, хватаясь то за угольный совок, то за щипцы.

Мама же – мама издала душераздирающий вопль, не крик даже, не взвизг, а именно вопль, пронзавший стены и перекрытия, и, не сомневалась Молли, слышимый во всем квартале. В следующий миг мама взвилась в воздух, совершив головокружительный прыжок – в длинных юбках до самых пят! – вскочив с пола прямо на высокий разделочный стол.

И затопала ногами, подбирая подол, словно крыса только и думала, чтобы по складкам ткани взобраться наверх и впиться ей в лицо или в руку.

– И-и-и-и-и! – визжала Фанни, тоже вспрыгивая на табурет.

– А-а-а-а-а! – вопила мама, все содрогаясь, так, что Молли испугалась, что ее сейчас хватит падучая.

– Мр! – коротко сказала кошка и бело-палевой молнией метнулась с рук Молли. Мягко извернулась, словно нечто текучее, постоянно меняющее форму; так же мягко, но очень сильно оттолкнулась – Молли аж отшатнуло назад – и взвилась в воздух.

Это был великолепный бросок. Бросок, достойный льва или даже тигра. Крыса дернулась было, кинулась наутек, но было поздно.

Кошка придавила ее лапами, впилась когтями. А затем стремительно вонзила зубы крысе в холку, вздернула и тряханула.

Крыса обвисла и даже не дернулась.

Кошка так и застыла, держа крысу в челюстях и выразительно глядя то на маму, то на Фанни.

– И-и-и... – наконец перестала визжать горничная. – М-миссис Анна...

– О-она м-мертвая? – совершенно серьезно спросила бледная как смерть мама у кошки.

Кошка, разумеется, ничего не ответила. Только потрусилась неспешно к открытой двери на задний двор, скользнула через порог.

Несколько секунд никто не шевелился.

А потом в проеме вновь появилась бело-палевая пушистая кошка. Она вопросительно глядела на маму и словно чего-то ждала.

– Х-хорошая к-кошечка... – пролепетала мама слабым голосом.

– Видите, мама, какая от нее польза может быть! – тотчас кинулась в атаку Молли. Упускать такой момент было никак нельзя.

– Да, крысоловка отменная, – признала и Фанни, утирая пот. – Ох, и не люблю же я этих тварей – крыс, конечно! – быстро поправились она, отчего-то странно взглянув на кошку. – Но как поймала-то, миссис Анна! Как поймала!

– Н-ну, мисс Моллинэр... – Мама глядела вниз, явно не понимая, как это она ухитрилась так высоко запрыгнуть. – Э-э-э... подайте мне стул, мисс, будьте любезны... что ж... кошка... да... может... быть полезна. Пожалуй... учитывая ваши отметки, кои весьма неплохи, весьма... можете ее оставить.

– Ура! – не сдержалась Молли.

– Но, мисс, вы будете целиком и полностью ответственны за чистоту, кормление и за...

Дальнейшая речь мисс Анны Николь Блэкуотер особого интереса не представляет.

...Ночью Молли лежала в постели. Рядом, на ее руке, обняв предплечье лапками, посапывала кошка. Оставалось только придумать ей имя...

– Ди. Диана. Я назову тебя Дианой, – сонно пробормотала Молли. Отчего-то помуркивающее пушистое существо, улегшееся на ее левой руке, успокаивало, отгоняло черные мысли. – Раз уж ты такая охотница...

Новоиспеченная Ди, она же Диана, приподняла круглую голову, раскрыла большущие зеленые глаза. Одобрительно сказала негромкое «мяу», поерзала, устраиваясь поудобнее на Моллиной руке, и мигом заснула.

Молли тоже проваливалась в сон, и на сей раз это вновь был яркий, праздничный и очень спокойный сон. Она опять видела исполинскую черную гору, очень похожую на ту, что она рисовала, поднимающийся над сумрачным великаном дымок. Взгляд ее вновь скользил над заснеженными лесами, замечая то белого по зимнему времени зайца, то глухаря или тетерева. Лоси брели куда-то целым стадом, пробирались своими тропами волки, мышковали на открытых пространствах лисы. Жизнь, совершенно не похожая на узкие улицы Норд-Йорка, на эстакады и дымы, желтые окна и битком набитые паровики. Во сне Молли ничего подобного не было. Один лишь лес, великий лес, лес без конца и без начала, лес изначальный, лес, из которого все вышло и куда все вернется.

И Молли видела, как это случится: как деревья выбрасывают несчетное множество семян, как подхватывают их ветра, послушные воле лесов; как несут над острыми пиками Карн Дреда, как они оседают на землю – повсюду. На железнодорожных путях и заводских крышах, на улицах и площадях, на грязных мусорных аллеях и на громадных складах угля и стали, добытых в близлежащих шахтах или выплавленной в печах Норд-Йорка.

И как потом, когда с юга приходит тепло, эти солдаты армии Севера пробуждаются к жизни. Тончайшие корни, такие слабые, которые так легко вырвать, – находят самые мелкие трещины в кирпичной кладке или в булыжной мостовой. Несмотря ни на что, дотягиваются до земли, забитой в оковы улиц, заключенной в кандалы фундаментов. Дотягиваются и начинают расти с поистине дивной быстротой.

Выворачиваются из насыпей рельсы и шпалы, лопаются костыли, отскакивают гайки, срывает резьбу. Пар свистит из прободенных корнями паропроводов, сдвигаются с опор мосты, не в силах противостоять напору зеленого воинства. Иные деревья жертвуют собой – на заводах вспыхивают пожары, когда оказываются пробиты резервуары с газом. Но на смену сгоревшим встают новые; а другие, вырастая на крышах обычных домов, пускают корни аж до подвалов, расшатывают перекрытия и балки, стены трескаются, и в эти трещины врываются кавалеристы-вьюны, что поднимаются снизу, из замусоренных дворов.

И наконец все начинает рушиться. Над грудами камней, над железными балками, над рухнувшими мостами и эстакадами, прорастая, словно через ребра скелета, поднимается новый лес. Он не считает потери. Он пришел, чтобы победить.

Как ни странно, Молли это ничуть не пугало.

5

Утром она проснулась свежей и бодрой, выскочила из кровати даже до того, как Фанни принялась колотить в ее дверь. И за завтраком даже обычное нытье братца Уильяма, равно как и его дразнилки с подначками, не смогли испортить ее настроение.

Она думала про магию, но думала без прежнего ужаса. И даже обстоятельства ее знакомства с Особым Департаментом отчего-то уже не пугали, не повергали в панику.

Наверное, всему причиной была Ди. Спустившись вниз вслед за Молли, кошка поскребла лапкой в закрытую дверь подпола. Фанни поморщилась было, но Диана тихонько мяукнула, потерлась ей о ноги, искательно заглянула в глаза – и служанка, что-то беззлбно

ворча себе под нос, приоткрыла створку. Ди молнией метнулась вниз и очень скоро появилась обратно, таща за загривок задушенную крысу.

Мама снова взвизгнула, но уже не столь громко. Молли сорвалась с места, распахнула заднюю дверь – Диана ровной трусцой выскользнула на улицу и вскоре вернулась, уже безо всякой крысы. Скромно мяукнула и скромно же отошла в уголок, где Молли поставила ей миску, и принялась вылизываться.

– Отличная крысоловка, миссис Анна, – одобрительно сказала Фанни.

Мама слабо кивнула, но на Ди уже смотрела безо всякой неприязни.

Братец Уильям с воплем «киса!» кинулся было тискать Диану, однако та ловко ускользнула, отбежав подальше.

– Не трогай ее, – вдруг сказала мама. – Кошке надо привыкнуть. Подожди, она сама к тебе придет.

– Но я хочу-у-у сейча-а-ас!

– Хочется-перехочется. Перетерпится, – невозмутимо сказала мама. – И вообще, мастер Уильям, у вас все щеки в каше. Немедленно умываться!..

Молли смотрела на маму, на брата, на Фанни, на Диану – и ей было хорошо. Очень хорошо. Так хорошо, как не было уже очень, очень давно, с того самого дня, как исчезла Дженни Фитцпатрик, а в душе поселилась неизбывная тревога.

Наступали рождественские каникулы. Как по заказу, исправилась погода. Пришло время разматывать гирлянды, чулки для подарков над камином, вешать на двери венки из еловых веток и красно-белых листьев рождественской звезды – словом, делать то, от чего на душе становится светло и сказочно. За этой близкой сказкой Молли совсем позабыла про вчерашние тревоги.

День начинался замечательно, просто великолепно. И все оставалось великолепно ровно до того момента, как Молли пришлось выскочить на улицу по мелкой надобности – мама послала к зеленщику, – и она, не пробежав и двадцати ярдов, вдруг натолкнулась на собственную физиономию.

Ну, вернее, не совсем собственную.

На круглой афишной тумбе красовался новенький, только что расклеенный, как видно, плакат Особого Департамента.

С крупной картинкой, изображавшей некую девочку, в машинистском шлеме и надвинутых на глаза круглых очках-консервах. Нижняя часть лица открыта и даже несколько похожа на Моллину – подбородок с ямочкой, например, – но в остальном – никак не опознаешь.

«Разыскивается, – гласил плакат, – Ведьма».

Да, именно так. Ведьма.

ВЕАЎМА

«Опасный уровень магии... нуждается в немедленной изоляции и релокации... поданным Ее Величества, обладающим какими бы то ни было известиями об оной ведьме, вменяется в обязанность незамедлительно сообщать в Особый Департамент...»

Все как обычно.

Она уже видела такие листовки, только на них всегда были совсем другие лица. Без очков.

Плохи у вас дела, Департамент, вдруг весело и зло подумала она. Не можете меня разыскать, не можете! Вот и клеите что ни попадя. Такие очки-консервы у всех! Да и шлемы не редкость, у многих отцы в горнострелках, в егерях или в железнодорожных экипажах.

Ищите-ищите. Клейте-клейте. Никогда вы меня не найдете!

И только теперь она заметила локомотив Департамента и троих мужчин в форменных касках, стучащихся в двери дома по Плэзент-стрит, 8.

Ну конечно. Там живет Аллисон МакНайер, одних лет с Молли. Когда-то они играли вместе, пока были маленькие, а потом Молли стало неинтересно – ей нравились дестроеры, мониторы и бронепоезда, Алли же любила куклы, мягкие игрушки и сказки про принцесс.

Значит, Департамент проверяет все дома в округе, где они меня видели...

При этой мысли удаль, владевшая Молли, мгновенно съезжилась и исчезла. Остался только страх. Прежний ледяной страх.

Департамент здесь. Они не те глупые злодеи из книжек. Осматривают все. Не оставляют ни одной прорехи.

Ноги подкашивались, дыхание пресекалось. В виски билась кровь, Молли почти ничего не видела перед собой. Бежать! Забиться с головой под одеяло, и пусть все это окажется дурным сном! Пусть папа, большой и сильный, пусть он это как-нибудь уладит!.. Он ведь все может!..

Но, несмотря на ужас, несмотря на заледеневшие внутренности, Молли не замедлила шаг, не побежала. Вместо этого быстро юркнула в аллею между домами, мигом оказавшись на заднем дворе своего собственного.

Они будут здесь вот-вот, лихорадочно думала она. Узнают? Или нет? Лучше подождать, посмотреть, что случится, если они придут, а меня дома нету?

На заднем дворе Молли мигом взлетела по полуобвалившейся кирпичной стене туда, где проходили газовые трубы. Проползла по узкому гребню, затаилась – ее защищал верх перпендикулярной стены, она же могла видеть, что творится и в кухне, и в гостиной.

Мама и Фанни, как обычно днем, дома. Мама уходит обычно вечерами, когда начинаются званые мероприятия.

Молли стала ждать. В груди бухало, щеки горели, живот опять болезненно сжался.

О! Что это? Никак зашли?..

Точно. Прошли в гостиную; начищенных касок с плюмажами так и не сняли. Ого, и тренога с камерой при них! Мама им что-то втолковывает. Спина у мамы очень, очень прямая, руки она держит перед грудью, не то что сама Молли, вечно не знающая, куда их девать...

О, протянули маме какую-то бумагу...

Молли сощурилась. Ба, да это тот самый плакат!

Мама смотрит. Отрицательно качает головой. И еще раз. И еще. Один из департаментских ставит на пол треногу с камерой. Наверное, хотят снова проверить.

Ага, точно. Мама гордо вздергивает голову – Молли знает этот жест, мол, что за чепуха! – и с видом оскорбленного достоинства садится прямо перед объективом. Один из департаментских крутит ручку сбоку... замирает на миг... кивает.

Мама встает, гордо расправив плечи. И, не сомневается Молли, на лице у нее сейчас доступное только настоящей леди выражение «говорила же я вам!», от которого бледнеют и теряются даже закаленные норд-йоркские констебли.

А потом приводят Уильяма. Братец слегка напуган и жметесь к Джессике. Всех сажают перед камерой – и отпускают. Не исключая и Фанни. Им остается проверить только папу, но его сейчас нет...

Молли уже почти убедила себя, что никакой магии у нее нет и быть не может. Локомотив, когда убежал Билли, сам сломался. Кошка Ди сама в последний момент вывернулась из-под колес, а локомотив, опять же, наверняка налетел колесом на вывернувшийся из мостовой булыжник.

Так чего же она боится? Почему благовоспитанная девочка, дочь уважаемого доктора Джона Каспера Блекуотера сидит на верхотуре, не замечая холода и ветра, вместо того, чтобы гордо, с видом оскорбленного достоинства, зайти домой, сесть перед камерой, раз и навсегда посрамив Особый Департамент?

Но они уверены, что имеют дело с ведьмой. Почему? Отчего? Так просто? А вдруг не просто?

Но, сколько бы ты ни пряталась, они придут снова. И снова. Или оставят вызов с требованием явиться в Департамент самим. Что тогда сделают папа с мамой?

Молли не знала. И не знала, с кем посоветоваться. Билли исчез, как в воду канул, и по сей день она не имела от него никаких известий.

Так... Особый Департамент, кажется, удовлетворился. Забирают свою треногу... уходят... точно.

Молли мигом соскользнула вниз. Из мусорной аллеи она отлично видела, как трое мужчин в блестящих касках с черно-бело-красными плюмажами загрузили в локомобиль свою треногу с камерой и отъехали.

Молли провожала их взглядом, пока они не свернули на Азалия-стрит, и только тогда побежала домой.

Кошка Ди бросилась к ногам, тревожно мяукая.

– Мисс Молли! – На маме не было лица. Вся белая от ужаса.

– Мисс... Молли, дорогая моя, что делается? Почему тут ходят джентльмены из Особого Департамента? Разыскивают... разыскивают... – голос у мамы вдруг сломался, – девочку, к-которая... на улице...

– Мама, о чем вы? – неведомо как, но у Молли это получилось вполне удивленно, но в то же самое время и беззаботно. Внутри, правда, все заходило от страха, а ноги едва держали. – Мало ли девочек? Я, вон, видела, они к Аллисон в дом заходили...

– Они... они ищут не просто девочку... ищут девочку, к-которая... – мама в ужасе закрыла лицо руками, – которая подобрала кошку! Бело-палевую уличную кошку! Как твоя Ди!

Молли ощутила, как ей словно со всей силы дали под дых.

Кошка. Ну конечно же, кошка! Большая, красивая, пушистая и... приметная.

Конечно, ее запомнили.

– Они спросили, не приводила ли ты последнее время кошек... – продолжала мама, – счастье, что Ди спряталась, как знала, и миску ее ты убрала как раз... Я... мне пришлось сказать, что никаких кошек у нас тут нет и не было...

– И я подтвердила, – мрачно заявила Фанни. – Не было, дескать, у нас тут никаких кошек отродясь, вот хоть у соседей спросите, миссис Анна их терпеть не может...

– О-они г-говорят... – стенала меж тем мама, заламывая руки, – что ищут в-в-ведь...

– Ведьму, – мрачно сказала Молли. – Ага, даже плакаты повесили. Разыскивается...

– М-молли... это... это ты? – пролепетала мама и пошатнулась.

Молли кинулась, схватила ее под руку. Вдвоем они доковыляли до кресла.

– Мой несесер... – Мама запрокинула голову, прижала ладонь ко лбу тыльной стороной. – Там... нюхательные соли...

Из кухни высунулась Фанни, тоже бледная как смерть.

– Мисс Молли... что ж это творится-то? И мистера Джона, как назло, дома нету...

– Все. Будет. Хорошо, – твердо сказала Молли, поднося маме к лицу ее флакончик с нюхательной солью. – Это просто недоразумение. Все разрешится.

– О-особый Департамент оставил бумагу... – Мама еле разлепляла губы. – Нам велено явиться с тобой туда завтра... проверка... на наличие... магии...

– Ну, значит, сходим, – пожалала плечами Молли, собрав всю храбрость. А что еще она могла сейчас сказать? – Меня проверят и отпустят. Все как обычно.

– П-правда? – Мама совершенно по-детски схватила Молли за руку, искательно заглядывая ей в глаза. Словно это ей, а не Молли, было двенадцать лет.

– Конечно, правда, мама! Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Можно я пойду к себе?

– И-идите... мисс...

Фанни, тревожно поглядывая на Молли, засуетилась вокруг мамы.

– Позвольте, помогу вам, миссис Анна... вам надо в постель...

Молли на цыпочках поднялась к себе. Хорошо, что братец Уильям занят с гувернанткой и ни о чем, похоже, не подозревает. Его проверили, приключение закончилось, можно возвращаться к игрушечным паровозам и бронепоездам.

А ведь их всех станут проверять, вдруг подумала Молли. И... подвергнут релокации, если у меня... если со мной... если я окажусь...

Бежать, вдруг подумала она. Бежать, куда угодно, только бы их не тронули. Была такая Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, а теперь и нет. На нет и суда нет, как говорил Сэмми. В конце концов, маму и братца проверили, с ними все в порядке.

Их не тронут. Конечно же, нет. Если Молли исчезнет, с ними все будет в порядке.

Исчезнет? Куда исчезнет? Зачем? Ведь, может быть, она еще не...

Угу. Как же. Особый Департамент не сомневается в том, что ты – ведьма. И они знают про кошку Ди. Значит, она должна исчезнуть вместе со мной.

Исчезнуть. Потому что она, Молли, как настоящая леди, должна быть уверена, что с ее мамой и папой, с братиком, с Фанни и Джессикой – что с ними все хорошо.

А значит, надо бежать.

Ой-ой-ой, как это так – бежать? Куда бежать? К кому бежать? Сейчас, зимой? Где она станет жить? Где добудет пропитание?

Вопросы бились в голове, словно мячи для лаун-тенниса.

Конечно, бежать некуда. Но... один выход у нее все же оставался. Не самый лучший, но все-таки.

И, если у нее нет никакой магии, она вернется. Потом. Когда-нибудь. Когда будет твердо уверена.

А если магия есть...

Что ж, пусть тогда она настигнет ее, Молли, где-нибудь в глухих лесах, там она никому не причинит вреда...

В глазах защипало.

Молли решительно достала из-под кровати свой скаутский рюкзак коричневой толстой кожи со множеством отделений и карманов.

Она знала, что делать. В конце концов, не зря же она дружила с Сэмом и поддерживала знакомство с Билли! И она не кисейная барышня, как Сэнди.

Теплые штаны. Рейтузы. Еще одни. Фуфайка. Свитер. Шарф. Маска. Запасные очки. «Вечная» зажигалка. Карманный нож, предмет дикой зависти братца Уильяма. Ремни. Шлем с теплым подшлемником. Мазь от мороза. Перчатки. Варежки. Компас. Книжечка топографических карт.

Молли лихорадочно собиралась. Надо бежать, надо бежать. Пусть потом сюда приходят. Девочка? Какая девочка? Нет никакой девочки. Ищите сколько угодно. Следите за домом. Проверьте.

Носки, толстые и тонкие. Шерстяные гольфы. Теплые сапоги на застежках.

Свинья-копилка с дыркой в пузе, заткнутой круглой пробкой, – Молли жалко было разбивать смешную глиняную хрюшку. Монеты... несколько банкнот... все скопленное за последний год на большую модель дредноута «Орион» с настоящей паровой машинкой внутри.

Куртка.

Так, где они там все?

Ага, в спальне у мамы...

Молли тенью скользнула вниз по лестнице.

Гостиная. Кухня. Дверь на задний двор. Хорошо смазанные петли не скрипнули.
Порыв ветра в лицо.
Беги, Молли, беги!
– Мряу! – сердито сказала Ди, в последний момент проскочив следом за хозяйкой.
Молли только вздохнула. И бросилась наутек.

Продолжение следует...

Эльдар Сафин Дикки Кейтс

Идея посещения Черного континента совместно с десятилетней дочерью изначально была не самой лучшей. Но моя жена Анна уехала в Китай бороться за права якобы обездоленных женщин. Ее родители принимали опиум и утверждали, что это – терапия, а не болезнь. Мои родители давно погибли при крушении дирижабля над Ла-Маншем.

В итоге из родственников на все Острова у меня оставался только брат, Джон Кейтс, доверить которому ребенка не смог бы и самый ужасный родитель. Джон возглавлял профсоюз портовых грузчиков в Глазго. Он много пил, гулял с продажными женщинами, брал деньги от руководства порта и платил взятки полиции.

К сорока годам он обзавелся гигантским животом, множеством врагов, скверным характером и уверенностью в том, что он – пуп земли. Меня Джон не выносил. Так же, как и я его.

Я мог оставить дочку в интернате, так она бы продолжала учебу, а у меня было бы больше свободы. Но все эти безумные современные теории о равенстве людей, независимо от их происхождения, цвета кожи и пола, меня чрезвычайно смущали. Учителя могли вложить в голову ребенку что угодно, и я никак не смог бы это проконтролировать.

В итоге Джоан поехала со мной.

В Бристоле меня нашел старший брат. Как всегда бесцеремонный и грубый, он дернул меня за плечо, подойдя сзади.

– Братец Дикки, займи-ка мне денег, – сказал он. – Мне нужно триста гиней. А через месяц я отдам тебе пятьсот.

Каким бы плохим человеком Джон ни был, но в том, что касается долгов – как карточных, так и любых других, – он был очень щепетилен. Но сумма велика, а Джон выглядел потасканным и каким-то запуганным, что ли? Из него, словно из надутого рыбьего пузыря, выпустили часть воздуха. Вечно лоснящийся и наглый, нынче он был подсыдурым.

– Извини, братец Джонни, не сейчас, – ответил я.

– Тысяча гиней через месяц.

А вот это меня уже испугало. На тысячу вполне можно было безбедно существовать несколько лет, и такие деньги в близком доступе держали только богатейшие люди королевства.

– Тауэр ограбил кто-то другой, – усмехнулся я. – У меня нет такой суммы.

Буквально за неделю до нашей встречи кто-то влез в королевскую сокровищницу и что-то оттуда умыкнул. Что именно – никто не знал. Ни казначейство, ни Скотланд-Ярд о похищенном не распространялись, и газетчики выдавали версии одна сказочнее другой.

На этом мы расстались.

До Бисау из Бристоля ходил рейсовый дирижабль, не такой роскошный, как на континентальных маршрутах, но вполне пристойный. В нем, как минимум, была палуба для джентльменов, а также отдельные туалеты.

Из Бисау я полагал добираться до Фритауна кораблем, но к собственной радости встретил в порту сэра Гарри Митчелла, с которым не раз беседовал о политике в Осеннем клубе, принадлежащем Виндзорской ложе. Мы обменялись тайным знаком, после чего Гарри по большому секрету рассказал, что у него в подчинении – новейший подводный корабль, спущенный со стапелей Адмиралтейством всего полгода назад.

Он держал путь в сторону Индии совместно с двумя линкорами сопровождения. Как один из действующих членов Британской академии наук, о подводных кораблях я,

конечно же, знал, но не очень много. В итоге, начав с оранжада, мы закончили чистым скотчем, и в ту же ночь я вместе с дочерью оказался на подводном корабле.

Джоан была в восторге – от множества приборов с бронзовыми ручками и рычагами, от возможности наблюдать глубины моря через небольшие иллюминаторы и от по-настоящему уважительного отношения моряков. И хотя среди них не было ни одного джентльмена по крови – кроме Гарри, разумеется, – все они были с Островов.

Фритаун, в отличие от Бисау, оказался городом куда как более крупным, но при этом и более грязным. Здесь не было автоматических кэбов, зато водились механические лошади, давным-давно изгнанные с Островов за ужасающую неэффективность и едкий ртутный пар, прущий из всех сочленений.

Кстати, сэра Генри Пиллера, изобретателя этих лошадей, я хорошо знал. Он до сих пор баловался со ртутью, и хочу отметить, что его работники часто сменялись – здоровья им хватало едва ли на год-полтора, потом начинались проблемы со зрением, с печенью, почками.

Коляска, запряженная парой металлических монстров, с унылой скоростью в полтора десятка миль в час провезла нас через весь Фритаун. Остановился я у добрейшей Мэри Гандсворт, милой дамы пятидесяти лет. Она выполняла некоторые поручения Британской академии наук и за это имела небольшое жалованье, которого, впрочем, в этих местах хватало на вполне нормальную жизнь.

Вообще, наличие даже пары гиней в кармане во Фритауне приравнивало последнего забулдыгу к джентльмену. В Лондоне, да даже в каком-нибудь Стратфорде, ты должен постоянно держать спину прямой. Ты должен помнить о бремени, наложенном на тебя многими поколениями предков, несущих свет цивилизации в отсталый мир. Здесь же даже вышколенные офицеры со временем ослабляли ремень.

Впрочем, я не собирался оставаться в Сьерра-Леоне настолько долго, чтобы это отпечаталось в моем – или тем более дочери – поведении.

Мой путь лежал дальше. Мэри Гандсворт нашла для меня пару носильщиков и помогла проложить лучший маршрут до точки назначения, не забыв предупредить о том, что местные ленивы и жадны.

Большая часть моего багажа, включая машинку для идеального смешивания джинтоника и часть приборов, осталась во Фритауне. Сказать по чести, Джоан я хотел поручить заботам Мэри, но своевольная девчонка устроила настолько дикую истерику, что я сдался.

Еще через три дня под утро мы с дочерью и носильщиками оставили повозку и начали подъем в горы. Здесь, неподалеку от плато Футо-Джаллон, пики были совсем невысокими – но сами места скалистыми и не приспособленными для жизни.

Джоан мужественно переносила отсутствие горячей еды и необходимость самостоятельно совершать туалет. Сказать по чести, для меня это было, пожалуй, даже более тяжелым испытанием, чем для дочери. В конце концов я все свои двадцать девять лет провел в кабинете и лаборатории, редко покидая даже Лондон, – дважды был в Кале и один раз по неотложным делам Академии летал трансатлантическим роскошным дирижаблем в Бостон. Но в отличие от многих моих коллег, посещавших и Индию, и Канаду, и Австралию, заядлым путешественником себя не считал. Тот же сэра Генри Пиллер в свое время бывал и в Монголии, и на Тибете. Даже моя жена чувствовала себя как дома в скоростных, но не очень удобных дирижаблях, способных причалить чуть ли не к любому дереву.

Для меня комфорт и порядок значили много, а даже краткое путешествие выбивает из колеи. Но четырехлетние исследования подошли к концу, геомагнитная сеть оказалась выписана с высочайшей точностью и подтверждена испытаниями, проведенными по моей просьбе во Франции и Швеции. Настала пора проверить мою теорию о том, что многие свойства, считающиеся в научном мире константами, в определенных местах, которые я называл «узлами», сильно меняются.

Известно, что у нашей планеты есть магнитное поле. Равно известно, что оно неоднородно, на чем зиждутся многие кажущиеся нам обыденными вещи – к примеру, указывающая на север стрелка компаса. Но мало кто знает, что Северный и Южный полюса – всего лишь два крупнейших геомагнитных узла из восьми. Я несколько лет собирал информацию и изрисовывал глобусы, стараясь найти закономерности, и в итоге обнаружил, что наша планета буквально исчерчена магнитными линиями, хаотично пересекающимися между собой. На полюсах действительно имелось много пересечений, но больше всего их было в нескольких других местах. Четыре из них оказались посреди океанов и не годились для исследований, одно – в горах Южной Америки, и одно – здесь, в Сьерра-Леоне.

Мы шли едва ли часа три, когда носильщики начали выказывать недовольство. Английский язык они знали едва-едва, но из путаных объяснений я понял, что мы приближались к некоему проклятому месту. Я расценил это как доказательство моей теории и приказал им двигаться дальше.

Часа через полтора они встали и начали орать. Пришлось взять у одного из них мой саквояж, открыть его и достать револьвер. Оружие я не жаловал, но в подобной ситуации оно осталось единственным возможным доводом. Испуганные видом шестизарядного «Гассера», носильщики согласились продолжить путь. При этом я не питал иллюзий и понимал, что едва дам слабинку, как они покинут нас – и хорошо, если не попытаются ограбить или убить.

Под вечер мне, несмотря на усталость и непритворную опасность, пришлось взять дочь на руки. Она так утомилась, что не могла больше передвигаться самостоятельно.

Мы пришли на место, когда уже стемнело. Я заставил носильщиков разбить лагерь и развести костер, но пока мы с Джоан распаковывали вещи, чернокожие парни сбежали. Я не сильно расстроился, так как предвидел и это, и то, что, скорее всего, после проведения исследований мне придется оставить здесь большую часть вещей.

– Мне страшно, папа, – сказала Джоан.

Я ее понимал. Места оказались тревожными. Жухлая зелень, каменистая почва, нерешительный огонь костра, требующий регулярной подпитки – нам с дочерью здесь было не место. Хорошо хоть животных поблизости не водилось – как я и предполагал в своих изысканиях, им не нравились места пересечения геомагнитных линий.

Джоан перед сном потребовала, чтобы я ее обнял, да так и заснула. Я ворочался недолго и тоже провалился в забытие.

Первое, что я увидел, открыв глаза, была голая чернокожая женщина. Высокая – почти шести футов, но при этом худая и мускулистая, она стояла над нами и смотрела, не мигая, на Джоан.

– Прошу вас одеться, – сказал я. – И сделать это, пока моя дочь не проснулась.

– Я не сплю, – Джоан высвободилась из моих объятий.

– Даже не собираюсь, – на чистом английском ответила негритянка. – Это мой дом, и это мои правила.

– Не смотри, – попросил я дочь.

При этом сам я отводить глаз не хотел – да по большому счету и не мог. Это гибкое тело приковало к себе мой взор. Я понимал, что совершаю нечто неприемлемое для джентльмена. Но смотрел и смотрел.

Хотя я был женат – и до свадьбы не был аскетом, – тем не менее обнаженной женщины при свете дня не видел ни разу. На вид я бы дал негритянке чуть больше двадцати лет. Крупная грудь с тонкими и длинными, почти в фалангу мизинца, сосками чуть свисала под собственной тяжестью. На животе виднелись линии пресса, бедра выглядели едва шире талии. Пах женщины зарос курчавыми жесткими волосами, икры выглядели излишне накачанными и совсем неженственными. И все же она была красива. Я поймал себя на этой

мысли, и она меня неожиданно оскорбила. Я, действительный член Британской академии наук, родственник – пусть и дальний – половины пэров британского парламента, вдруг счел красивой туземную женщину?

– Как тебя зовут? – Я еще раз отметил неожиданно хороший английский.

– Ричард Кейтс, – ответил я и начал подниматься. Стесняться своей естественной мужской реакции, отчетливо заметной, несмотря на штаны, я не собирался. Джоан лежала, зажмурившись, и меня это устраивало.

– Я – Оми. Мой народ – фула, и я – марабута.

Фула – это, скорее всего, фульбе, одно из самых многочисленных племен Гвинеи. Что такое марабута, я не знал, но меня это и не интересовало.

– У тебя есть дом?

– Хижина, выше по склону.

Оми смотрела на меня и ехидно улыбалась. На какой-то момент я почти решился достать револьвер – просто чтобы показать, кто здесь хозяин, а кто – туземец. Но быстро подавил эту недостойную мысль. Тем более что девушка явно была умнее большинства моих знакомых, включая немало джентльменов.

– Я прошу тебя одеться, взять Джоан с собой и позаботиться о ней. Твои труды я оплачу.

– На первое – нет. На второе – может быть. На третье – деньги меня не интересуют.

Мы зашли в тупик.

– Папа, она меня не смущает. – Не знаю, в какой момент дочь открыла глаза.

– Идемте. – Оми решительно развернулась и пошла прочь.

Джоан посмотрела на меня. Требовалось срочно решить, что делать. Я чувствовал, что если сейчас промедлю, вера моего ребенка в меня может пошатнуться.

– Давай посмотрим, где она живет, – предложил я обыденным тоном.

Мы едва успевали за негритяжкой, хотя она была босой и раздетой – а камни на земле выглядели острыми, не говоря уже о жестких ветвях раздвигаемых нами деревьев.

До хижины Оми пришлось пройти всего футов двести. Это был приземистый, но довольно длинный дом из глины, без окон и с крышей из необожженной черепицы. Сверху виднелась широкая круглая труба с остроконечным ржавым колпаком от дождя.

Внутри царил тьма. Оми разожгла огонь в очаге. Хотя печи как таковой не было, дым не скапливался в комнате, а сразу устремлялся к трубе в крыше. На стенах висели связки трав, маски, черепа животных и людей – в том числе и детские. Пол весь был выложен камнями. Когда пламя разгорелось, я обнаружил, что на полу – мозаика, проявляющаяся за счет разницы оттенков серого. Десятка два символов, среди которых я, к своему удивлению, обнаружил анх, кельтский и коптский кресты.

– Ты ведьма, – утвердительно сказал я.

– Марабута, – кивнула она. – Я же предупреждала.

Наука могла объяснить большую часть того, что творили колдуны и ведьмы. А то, чего она не могла объяснить сегодня, сможет завтра. В этом я был абсолютно уверен. Тем более что неграмотные люди даже компас считали магией.

Вообще, факт того, что в интересующем меня месте оказалась ведьма, отлично подтверждал мою теорию.

– Ты ешь людей? – прямо спросил я.

Согласно исследованиям брата Франческо из монастыря Святой Анны, есть некоторое количество глазных реакций, не контролируемых организмом. Я читал эти исследования и теперь внимательно смотрел на лицо Оми.

– Не ем, – рассмеялась она хриплым, глубоким смехом. – И вам не грозит опасность.

Она не лгала.

– Папа, я хочу есть, – заявила Джоан.

Так начались наши странные дни.

* * *

Люди и животные обходили эти места стороной. Но если они все же по какой-то причине добирались сюда, то стремились к узкой бездонной расщелине, из которой валил серный пар, садились на краю и через некоторое время умирали, а потом падали внутрь.

Я тоже испытывал на себе желание подойти и бездумно смотреть вглубь, не двигаясь. Пропитанная водой повязка, закрывающая нос и рот, спасала от этого – очевидно, наркотического – влияния.

Оми обходилась даже без повязки, а Джоан я строго-настрого запретил сюда подходить.

– Расщелина постепенно двигается, – сообщила мне ведьма. – Фута на три в год, в сторону севера. Иногда она закрывается – так было лет двести назад. Ее не существовало около двадцати лет, потом снова открылась.

Я выложил на краю четыре десятка колышков, пропитанных различными реактивами, и уже на третий день знал примерный состав дыма. В нем были сера, пары ртути, угарный газ, азот, гелий, немного водорода – так мало, чтобы состав не становился горючим.

Мой хронометр оказался здесь беспомощен – иногда он шел быстрее, чем должно, иногда медленнее. Но это меня не смутило – простые солнечные часы работали безотказно, а днем здесь всегда было ясно.

Я ставил опыты и записывал все результаты в дневник. Пищу и для меня, и для Оми готовила Джоан – неожиданно в ней раскрылся немалый женский талант. Она стирала и готовила еду, прибиралась в хижине и явно получала от этого удовольствие. В Лондоне у нее не было ни единого шанса на то, чтобы оказаться на кухне или на реке со стиральной доской в руках. Здесь же этим могли заниматься или я, или Оми, или моя дочь. Проще всего к этому относилась Джоан, ведь опыты и дневник наблюдений поглощали большую часть моего времени. Оми тоже делала что-то – выкладывала птичьи кости, напевала, иногда разрисовывала глиной себе ноги или руки. Я подозревал, что она тоже занимается исследовательской деятельностью – только результат, к которому она стремилась, был не научным, а магическим.

Я привык к ее манере ходить голой, хотя не могу сказать, что это не будоражило меня. Анна, моя жена, неохотно исполняла супружеский долг, а на данный момент прошло уже больше трех месяцев, как она уехала.

На четвертый день под вечер, когда Джоан уснула, а я вымачивал химический карандаш в воде, чтобы он лучше писал, Оми подошла и прямо сказала:

– Не стоит так отчаянно терпеть. Ты мужчина, я женщина, и на полсотни миль вокруг нет никого другого ни для тебя, ни для меня.

– Должен отметить, что я женат, – ответил я, хотя даже для меня было совершенно очевидно, что здесь и сейчас это не имеет значения.

Она настояла на том, чтобы я разделся донага. Подозреваю, в этом был какой-то мистический смысл, но в тот момент меня это не беспокоило.

– Такой нежный и такой грубый, – ехидно отметила она много позже, когда мы уже вымылись в ручье и я успел высушиться и натянуть свои одежды. – Но мне понравилось.

Я не собирался обсуждать произошедшее. Это случилось, и я не исключал возможности, что оно повторится, но в этом была лишь физиология, от которой никуда не деться.

А еще я отчаянно гнал от себя мысль, что Оми как женщина была куда интереснее моей жены Анны. В любом случае в тот вечер я долго еще записывал в журнал детали исследований, в том числе те, которые сам считал малозначащими и раньше не собирался вносить в дневник.

Еще через два дня Джоан застала нас с Оми. Она отнеслась к этому так легко, что я даже почувствовал себя несколько оскорбленным. На следующий день я обнаружил, что моя дочь впервые не надела платье, а ходит в рубашке от пижамы и панталонах.

– Оми вообще без ничего гуляет! – заявила она мне. – И она говорит, что так выражает уважение этому месту! И ты ей ничего не говоришь!

– Она мне не дочь, – ответил я.

– А кто? Кто она тебе?

Это был сложный вопрос. Мы были любовниками и жили практически как семья. Представляю, как бы отреагировал на это лейтенант королевского флота сэр Гарри Митчелл! А если бы о чем-то подобном узнали в Академии, я наверняка мгновенно бы лишился членства в ней и стал парией в научном мире.

Джоан в итоге согласилась надеть платье – но я видел, что тот миг, когда и я и она станем куда более небрежными в одежде, столь неуместной здесь, уже близок.

Каждый мой опыт, работа с ртутью, магнитами, химические и алхимические занятия – все это не только не приближало меня к разгадке, но и наоборот, подталкивало к новым и новым исследованиям, откладывая миг полной победы куда-то далеко за горизонт.

За одну неделю я выяснил о геомагнитных линиях и узлах больше, чем за год в собственной лаборатории. Уже сейчас я мог представить десяток промежуточных открытий, способных повлиять на химию, металлургию, мореплавание. Из кусков дерева я вырезал некоторое количество рычагов и шестеренок, приспособил к ним два колеса и футляр для серно-ртутного пара и на выходе получил не очень красивый, но вполне функциональный механизм, способный довольно долго кататься кругами вокруг расщелины. У меня было ощущение, что местный воздух делает меня умнее. Оми отчасти подтвердила догадку:

– Это место, в котором мир живых подходит вплотную к миру духов. Умелый марабута способен перенимать знания и опыт давно умерших магов.

До недавнего времени я не особо верил в модную нынче теорию ноосферы – то есть про некое окружающее нас пространство, в котором сохраняется вся придуманная когда-либо информация. Теперь же я понимал, что «мир духов» Оми – это и есть та самая «ноосфера», нащупать которую, сидя в Лондоне, почти невозможно, разве что почувствовать самое ее существование. Зато здесь она имела овеществленный вид – расщелину.

Я даже не заметил, как в определенный момент перестал воспринимать Оми некой голой туземкой, видя в ней вместо этого своего коллегу, неортодоксального ученого. Она много рассказывала, я, по мере сил и знаний, переводил ее откровения на язык науки, и в итоге они не входили в противоречие с тем, во что верили и что знали мои товарищи по Академии.

В начале третьей недели я перестал повязывать шейный платок и позволил Оми обрить мои волосы – мыть их в местном душном климате приходилось часто, а эффект от этого оказался неожиданно кратковременным. Джоан теперь купалась в ручье обнаженной, а ходила в рубашке и панталонах. Мои запасы еды – галет и солонины – подходили к концу, и мы постепенно перешли на растительную пищу, которую приносила Оби. Ее сбор не доставлял нашей хозяйке никакого неудобства. Она уверила меня, что эти места могли бы прокормить большую деревню, а нас троих здешняя природа даже и не замечает.

– Мы ведь правда останемся здесь навсегда? – спросила меня однажды дочь. К тому моменту прошло уже больше месяца с нашего приезда, и дни теперь проскальзывали совсем незаметно.

– Нет, конечно! – ответил я. Хотя внутренней уверенности уже не было. Расщелина открывала мне все больше и больше. Дневник наблюдений заканчивался – к счастью,

в моем багаже на всякий случай было еще три таких толстых тетради, а также два блокнота поменьше в высоту – но при этом и потолще.

Однажды утром я не обнаружил Оби. Она вернулась под вечер, вся в мелких порезах и жутко уставшая.

– Чужой марабута, – пояснила она. – Это место – как приз, награда. Но сюда нельзя прийти, не победив прошлого владельца.

– И ты тоже кого-то... Побеждала?

– Конечно, – Оби пожала плечами. – Но это было так давно, что я уже и не помню.

Я еще раз посмотрел на нее. Она выглядела лет на двадцать с небольшим. Может быть – двадцать пять. Я заподозрил некую игру-мистификацию, но ввязываться в нее и уточнять не стал.

Следующие два дня Оби спала, просыпаясь лишь изредка – для того, чтобы попить или сходить в туалет. На третий день она вышла из дома и растянулась на большом камне, подставив тело солнцу.

– Приходи после полудня, – попросила она.

Проведя некоторые исследования, я вернулся к хижине. Джоан поблизости не было – она в последние дни часто играла у ручья или в лесу одна и это ей нравилось, а меня – к стыду моему – вполне устраивало.

Оби накормила меня острым салатом из каких-то мясистых листьев, а затем явно намекнула на возможность и даже необходимость близости. Потом мы некоторое время просто лежали на камнях и молчали.

– Что-то случилось, – вдруг встрепелась она.

Я ничего не чувствовал, но успел уже убедиться, что Оби знает и ведает куда больше, чем я.

Мы побежали к расщелине – а там, на самом краю, свесив ноги в серых панталонах вниз, покачивалась Джоан.

Закусив губу, чтобы не заорать, я помчался к ней. Схватив ее, я отнес дочь подальше от серного тумана.

Дыхания и пульса не было. Согласно трудам доктора Пацельса, я попробовал вдыхать ей воздух через рот и ритмично давить на сердце, но за несколько минут это не возымело эффекта.

– Я вижу логику в твоих действиях, – тихо сказала наблюдающая за этим негритянка. – Но считаю, что нужно сделать иначе.

– Как? Как?! – заорал я, бросаясь к ведьме. – Скажи, как, и я отдам тебе душу!

– Ты путаешь меня со своим дьяволом, – скривилась Оби. – Нужно взять глиняную табличку, написать на ней кровью родственника имя того, кого хочешь вернуть, и положить в рот оживляемому. А потом задать ритм сердца – барабаном или как-то иначе.

– Можно на бумаге?

– Хоть на тряпке, – склонила голову набок марабута. – Надпись имени кровью родственника – маяк для духа. Вложи под язык, сунь в карман покойнику – просто чтобы дух узрел возможность вернуться. Но в рот все равно надежней.

Не помню, как я домчался до дома. Как писал имя дочери на клочке бумаги своей кровью. Как возвращался, раскрывал ее рот.

Потом Оби некоторое время выстукивала ритм прямо на своем бедре, при этом что-то напевая, а вера покидала меня.

Я был готов уже самостоятельно броситься в расщелину – возможно, на это влияло и то, что она была неподалеку, а я сидел без повязки, – когда Джоан открыла глаза.

– Жива! – заорал я как безумный.

А она тем временем сплюнула бумажку, встала, огляделась. Глянула на меня. Ткнула пальцем в Оби. Посмотрела на себя, потрогав пальцами панталоны так, будто видела их первый раз, и тонко, визгливо захохотала.

– Невозможно. Это невозможно! – крикнула Оби, падая на колени. – Чужой дух не мог...

Тем временем Джоан уверенно подняла с земли увесистый камень и, решительно шагнув к ведьме, огрела ее с размаху по голове.

Я кинулся к ним, но замер, когда дочь указала на меня пальцем и сказала каким-то неестественным голосом:

– Дикки, стоять. – Так меня называл только один человек. – Ты не посмеешь тронуть тело своей дочери, а я не дам тебе остановить меня. В какой стороне ваш лагерь?

Находясь в состоянии, близком к прострации, я указал рукой.

– Если ты пойдешь за мной, я занервничаю, могу упасть и разбить лоб. Понял намек?

В теле моей дочери был мой брат! И я ничего не мог сделать. Оби лежала на животе, и напротив ее головы расплывалось кровавое пятно.

– Верни мою дочь, – сказал я.

– Теперь я – твоя дочь! – расхохотался Джон. – Не иди за мной.

Он... – она? – рванул в сторону хижины. Я поднял выплюнутую бумажку и прочитал: «Джон Кейтс». Я пропустил букву! Я! Пропустил! Важную! Букву! Видимо, пока я был здесь, брат успел умереть – в кабацкой драке или еще как, совершенно неважно. Мы были рядом с расщелиной – порталом в мир духов. Перед ним приоткрылась дверца, он по привычке распахнул ее пинком и, откинув в сторону мою дочь, влез в ее тело!

Я потрогал пульс Оби. Пульса не было. Рана на голове выглядела ужасно. Вряд ли обнаженная марабута когда-либо еще пробежится по местным скалам...

За время, которое я потратил на то, чтобы осмотреть Оби и прийти в себя, Джон успел добраться до хижины, перевернуть там все вверх дном и сбежать.

Я проверил вещи – кроме револьвера и бумажника, на мой взгляд, ничего не пропало. Хотя нет – отсутствовало еще два платья и небольшой чемоданчик с личными вещами дочери. Я скрипнул зубами.

Дорогу вниз, к цивилизации, я преодолел за очень короткое время. Выйдя на торную тропу, я увидел далеко впереди светлое пятно – это был мой брат в теле Джоан. Теперь у меня не оставалось сомнений в том, что я смогу догнать его, – в конце концов, взрослый мужчина почти всегда может догнать десятилетнюю девочку.

Расстояние сокращалось – хотя и не так быстро, как мне того хотелось. У брата был револьвер, и он вряд ли задумается перед тем, как пустить его в ход. При этом он наверняка не подумает о том, насколько сильно отдача ударит по детской руке. Таким образом, мне надо будет только спровоцировать выстрел – желательно не в мою сторону, – а потом схватить тело дочери с бесноватым родственником внутри.

Тем временем на дороге появились новые люди – двое туземцев, а с ними механическая лошадь, тащившая в нашу сторону разбитую повозку. К моей радости, брат остановился перед ними, и теперь я сокращал расстояние совсем быстро. Прошло не более полутора минут, прежде чем я поравнялся с ними.

Девочка скрылась за спинами туземцев, причем в ее руках был только чемоданчик – револьвера я не видел, а в платьице спрятать его было некуда.

– Попался! – заорал я, не обращая внимания на пару чернокожих.

Это было моей ошибкой. Когда я пробежал мимо, один поставил мне подножку, а второй резко ударил сверху локтем, в результате я столкнулся с пыльной каменистой почвой и потерял сознание.

Возвращение к жизни было ознаменовано чудовищной болью в переносице.

– Ожил, любитель детей, – на хорошем английском сказал один из чернокожих.

– Вздернем его в деревне, – ответил второй.

Не то чтобы я сомневался, что мой родной язык достоин изучения. Но это были уже три дикаря – включая Оми, – которые говорили на языке Шекспира куда лучше многих коренных обитателей Островов.

Я лежал связанным на телеге поверх чего-то ребристого. Возможно, это были горшки – или же черепица. В любом случае что-то достаточно твердое и неровное для того, чтобы доставлять существенные неудобства.

– О чем вы говорите? – спросил я.

– Ты гнался за девочкой, чтобы изнасиловать ее и съесть, – ответил один из аборигенов.

– Это моя дочь, – сказал я как можно спокойнее. – И она одержима злым духом.

Мы были в этих горах, как вдруг она заговорила чужим голосом, ударила одну хорошую женщину камнем и сбежала.

– Проклятое место! – воскликнул второй дикарь.

На удивление, они сразу поверили мне. Как оказалось, вместо того, чтобы остаться под их защитой, едва они повалили меня в пыль, девчонка сбежала. Они списали это на ее испуг, но вспоминая то короткое время, пока они общались с ней, мои чернокожие собеседники отметили несколько странностей, которые сыграли мне на руку: неожиданно грубый голос, приказной тон, нервозность.

– Откуда вы знаете английский? – спросил я, пока они развязывали меня.

– Мы говорим на языке народа фула, – ответили они. – И ты говоришь на этом языке, иначе бы мы не поняли друг друга.

Я не мог объяснить этого себе, а потому просто перестал думать об этом, отложив на некоторое время – пока не появится возможность разобраться в вопросе.

– Дайте мне свою лошадь, – попросил я. – Я обещаю оставить ее во Фритауне там, где вы скажете.

Они очень не хотели отдавать механическую скотину. Мне пришлось вспороть пояс и вынуть оттуда все спрятанные на всякий случай четыре золотые гинеи – и даже это могло не убедить их, если бы я не надавил на совесть, доказывая, что это они позволили злему духу в теле маленькой девочки гулять на свободе.

Поняв, что иначе они от меня не отделаются, и испытывая, видимо, чувство вины передо мной, они все же согласились и выпрягли стальное создание, передавая мне его повод.

Я нажал на левый бок лошади, смещая пластину. Там, привязанная бронзовой цепочкой, висела отвертка с пятиконечной битой на конце. Обнажился механизм – очень надежный и при этом достаточно простой внешне, но очень сложный в настройке, как и все, что изобретал сэр Генри Пиллер.

До поездки в Африку я вряд ли решил бы лезть в этот механизм. Но жизнь около расщелины – узла геомагнитных линий или же двери в мир духов – сильно изменила меня. Теперь я очень многие вещи если и не знал, то чувствовал интуитивно.

В одном месте я чуть ослабил, еще в двух основательно подзатянул, потом уверенно закрыл пластину и вскочил на «скакуна».

Не думаю, что за всю явно долгую жизнь этого механического животного из него выжимали такую скорость. Возможно, даже сам сэр Генри не предполагал подобного, но скакал я со скоростью миль сорок в час, не меньше. Мой копчик страдал невыносимо, а ягодицы стерлись до кровавых мозолей в первые полчаса, но я гнал вперед механического скакуна. Он шел очень неровной рысью. Это устройство не предполагалось для верховой езды, а лишь для перевозки карет или телег.

Сэр Генри Пиллер допустил одну существенную ошибку – не считая использования ядовитой ртути, конечно же. Он оставил основные идеи своего изобретения при себе, поначалу зарабатывая приличные деньги. Сэр Томас Кроу, человек, который изобрел автоматический кэб, поступил совершенно иначе. Он опубликовал чертежи в научных журналах, позволив всему исследовательскому сообществу включиться в работу. И именно его бронзовые машины – совершенно неэффективные на первых порах – в итоге победили на Островах и нынче ползают по улицам Метрополии, распространяя водяной пар и угольный дым. А десятки тысяч механических лошадей сэра Генри отправились в ссылку – в колонии, где их продавали в основном в кредит или в рассрочку, потому что те, у кого было достаточно денег, покупали все те же угольно-паровые машины. У механических лошадей было лишь одно преимущество: единственного солево-ртутного заряда им хватало почти на месяц, в то время как уголь в топку автоматического кэба приходилось закидывать каждый день. И все равно уголь в итоге выходил дешевле.

После пары часов безумной скачки у меня появилась уверенность, что я давно уже должен был догнать Джона. Как бы сильно я ни отстал от него, я уже преодолел больше половины дороги до Фритауна – а маленькой девочке такой путь не осилить и за день.

В итоге я слез с механической лошади и попытался подвести итог. Моя дочь была мертва. В ее теле жил мой брат, с которым мы никогда особо не ладили. И я потерял их.

В любом случае он наверняка попытается вернуться на Острова. Брат был не из тех, кому нравятся простые развлечения. Его тянули к себе власть, деньги и разврат во всех проявлениях. Я вновь скрипнул зубами.

Моей задачей было хотя бы изгнать брата и предать тело дочери земле, а лучше – ожить ее.

Вернуться он сможет только через порт. В Метрополию ежедневно уходили корабли с различными товарами, но маленькая англичанка без сопровождения – или в компании туземцев – не сможет не привлечь внимания. Я расставлю на нее засаду в порту и найду ее. Теперь я был в этом практически уверен.

С величайшей неохотой влез я на механического скакуна, беря недавние раны, и поскакал вперед. Еще до ночи я въехал в предместья столицы Сьерра-Леоне.

В доме представительницы Британской академии наук было прохладно и спокойно, старинные портреты взирали со стен, тяжелые шкафы и серванты явно приехали сюда из Метрополии. Здесь, если не смотреть в окно, создавалось впечатление, что мы где-то в Британии. Например, в Йорке.

– И в теле Джоан теперь руководитель профсоюза грузчиков из Глазго? – повторила за мной Мэри Гандсворт, глядя на меня немигающим взором. – Тот самый, который смог пробить запрет на работу в порту механических кранов и погрузчиков?

Я не мог винить ее за то, что она мне не верила. Кроме всего прочего, я был одет крайне небрежно, у меня отсутствовали шейный платок и шляпа, а несло от меня, наверное, хуже, чем от пресловутых грузчиков.

– Местные ведьмы и колдуны обладают даром гипноза. – Мэри внимательно смотрела на меня. – Вам могли внушить все что угодно. Прошу простить мне столь ужасное предположение, но... Ваша дочь может уже быть где-то в центре континента, по пути в гарем какого-нибудь местного царька.

– Она здесь, и она скоро попытается сесть на корабль, – ответил я твердо. – Прошу предоставить мне возможность переодеться и вымыться, и после я смогу продолжить нашу беседу.

Я обгонял Джона как минимум на день пути – а скорее даже на два. У меня было время организовать все как надо. Но для этого требовалась помощь Мэри. Пожилая леди готова

была одолжить мне денег, но мне требовалось, чтобы она организовала всех своих помощников, а она мне не верила.

Однако после того, как я вымылся, переоделся и не отступил от своих слов ни на дюйм, миссис Гандсворт сменила гнев на милость.

– Я все еще не верю, – подчеркнула она. – Но ваша убежденность действует заразительно, и я готова помочь, тем более что деньги я в любом случае верну, как только ваш вексель подтвердят в банке.

К сожалению, среди прислуги у нее не было ни одного представителя народа фула, и доказать свое знание их языка я не мог. Тем не менее с самого раннего утра были организованы дежурства в порту и на подступах к нему. Искали белую девочку, одну или в сопровождении чернокожих. В последний момент Мэри предположила, что девочка может прикинуться мальчиком, а также – замазать лицо темной краской.

Теперь от меня ничего не зависело. Заснуть я смог только ближе к обеду и спал всего часа два, после чего попросил хозяйку сопроводить меня на местный рынок. Там я продемонстрировал свое знание языка фула – это произвело на нее впечатление. А еще я нашел нескольких марабута – волшебников. Они сидели вшестером под навесом, оформленным черепами животных и связками трав. Все как один были старые, сморщенные и недоверчивые. Все как один они были из народности фула.

– Ты лжешь! – сказал самый младший из них, едва я начал рассказ. – Но продолжай.

И эти две фразы он повторял раз за разом, пока я описывал свое знакомство с Оби, расщелину и попытку воскрешения дочери – а потом чудесное обретение знания языка фула.

– И я спрашиваю – сможете ли вы помочь мне изгнать дух брата и вернуть дух дочери в ее тело? – сказал я в конце.

– Если вдруг ты не лжешь... – начал глубокий слепой старец, но его тут же перебили возгласами остальные, уверяющие, что я не могу не лгать. Старец взмахнул рукой, и все умолкли. – Если ты говоришь правду, мы мало чем сможем помочь тебе. Та, которую ты называешь Оби, не умерла. Ее пытались убить сильнейшие марабута на протяжении нескольких веков, но она легко отбивала их атаки. Маленькая девочка, одержимая даже самым злым духом в мире, ее убить не способна. То, что ты говоришь на нашем языке, объяснимо. Мы умеем вызывать память предков и закреплять ее. Кто-то в твоём роду был из фула...

– А откуда узнала язык моя дочь? – запальчиво спросил я, не подумав.

– Твой род – это ее род, глупец! – отрезал старик. – Изгнать злого духа возможно. Вернуть дух твоей дочери реально только у места, которое ты называешь «расщелиной», но мы туда не пойдем. Потому что самое удивительное в твоём рассказе – это то, что та, кого ты звал Оби, не убила тебя или не сделала своим рабом. Она обладает всеми знаниями и силами, которые может почерпнуть из мира духов, – а может она весьма немало. Итак, ты должен найти тело дочери, вернуть его к «расщелине», изгнать дух брата и вернуть дух дочери. Если что-то пойдет не так – просто столкни тело в «расщелину». Если Оби захочет помочь тебе, все удастся.

– Оби мертва.

Они сидели и смотрели на меня, изредка смаргивая. Им больше нечего было мне сказать. Я вдруг понял, что они могут считать меня загипнотизированным «рабом» Оби, которого ведьма послала к ним ради какого-то эксперимента. Мне пришлось уйти.

Вечером следующего дня помощники Мэри обнаружили и поймали моего брата в теле Джоан. Он переоделся мальчиком, намазал лицо сажей, смешанной с жиром, и пытался попасть на корабль, идущий в Бисау, вместе с полной негритянкой, которой он обещал поистине королевскую по местным меркам награду в восемь гиней.

– Ты действительно Джон Кейтс? – спросила его Мэри.

Он долго смотрел в пол, а потом поднял взор и ответил:

– Я предлагаю вам полторы тысячи гиней золотом. Не спешите с ответом. Этих денег вам хватит на то, чтобы жить в достатке до конца дней в любом месте, кроме Метрополии. Я даже не прошу убивать Дикки – достаточно просто остановить его на несколько дней. Например, запереть у вас в подвале.

Мне было крайне тягостно наблюдать, как такие вещи предлагает мой брат устами моей дочери.

– Мне интересно, – неожиданно ответила Мэри Гандсворт. Она посмотрела на меня пронзительным взглядом и добавила: – Ричард, я уважаю вас, но полторы тысячи гиней – это приз, которого можно ждать всю жизнь и так и не дожидаться. Однако, Джон, я не вижу того места, из которого вы достанете такую сумму.

Брат в теле дочери сжал губы, а потом заявил:

– Мне некуда деваться. Я вынужден довериться вам. Откройте чемоданчик.

– Делайте, Ричард, – попросила миссис Гандсворт.

Я повиновался. Это был ее дом, полный слуг, достаточно крепких, чтобы у меня не было ни единого шанса на неповиновение.

Внутри были револьвер, два платья, два комплекта панталон, еще какие-то тряпки и довольно большая кукла.

– Достань игрушку, – потребовал Джон. Я повиновался. – Открути голову.

Внутри, в каркасе живота, оказались крупные обработанные драгоценные камни. Два из одиннадцати я узнал – Академия наук заимствовала их под роспись у Казначейства для неких экспериментов лет пять назад. Это были алмаз Шах и бриллиант Непоседа, каждый из которых стоил не меньше чем по две сотни гиней. В сумме эти камни тянули по меньшей мере на две тысячи.

– Как они оказались в кукле? – спросила Мэри.

– Думаю, надо рассказать все по порядку, – ответил Джон. Он лукаво улыбнулся – так, как это никогда бы не сделала Джоан. – Все началось семь лет назад, когда судьба свела меня с известным многим членом Британской академии наук сэром Генри Пиллером. Ему нужно было кое-что переправить за пределы Островов, а кое-что – наоборот, доставить на них. Я и раньше имел дело с контрабандой, и меня вовсе не удивило такое предложение.

Мы провернули несколько удачных дел. Тогда сэр Генри был в фаворе, но его звезда уже клонилась к закату – появились те паровые машины, которые нынче уже повсеместно заменили в Метрополии механических животных моего партнера. Его точила изнутри желчь. Родина отвергала его изобретения, хотя они, на его взгляд, были лучшими в мире. Он был не то чтобы жаден до денег, но ему очень хотелось получить то, что, как он считал, полагалось ему по заслугам.

Мои масштабы оказались малы для Пиллера. Он договорился с двумя адмиралами, и контрабанда, которая и раньше была немалой, по каналам военных перешла все разумные границы. Однако если у меня все было подвязано, то адмиралы оказались недальновидными. Около трех месяцев назад оба пошли под суд. Один повесился, второй держался, но было понятно – если ему предложат на выбор тихую отставку или судебный процесс и изгнание с флота с позором, он выберет первое и сдаст всех.

Генри обратился ко мне. Ему больше некуда было, а от сотрудничества со мной у него остались только лучшие впечатления. Он просил несколько ловких людей, готовых на что угодно. Я обеспечил ему их.

В Тауэре уже лет семьдесят держат только самых важных преступников – пэров, министров, членов королевской семьи. А еще там хранятся сокровища короны. Самые редкие

и ценные – те, которыми можно не только удивить простолюдинов, но и похвастаться перед другими монархами.

Сэр Генри собирался ограбить Тауэр. Ему нужно было, чтобы кто-то убил адмирала, обрубая концы, а взамен взял бы то, что ему приглянется, из сокровищницы. При этом он обеспечивал взлом крепости, создав «камнежорку» – механизм, который расплавлял камень и поглощал его, продвигаясь вперед.

Однажды ночью двое моих людей с помощью этой машины проникли в Тауэр, инсценировали самоубийство адмирала, повесив старика на полосах из простыни, и украли одиннадцать ценнейших камней из коллекции. Но долго радоваться удаче им не пришлось – выяснилось, что все они отравлены.

– Ртуть, – догадался я.

– Ртуть и смесь из нескольких кислот, – согласился Джон. – Если бы я так же хорошо, как и ты, разбирался в науке и всех ваших тонкостях и сплетнях, я смог бы предусмотреть это. Но до того момента я не имел дела с сэром Генри в области его изобретений. В итоге мои люди умерли в страшных мучениях, а я получил камни. Не скажу, что такой исход сильно меня огорчил, но люди были проверенные, нужные, и я не мог простить ученому подобной жестокости.

Я приехал в Лондон и навестил его однажды под утро. У нас был нелицеприятный разговор, в результате которого старина Генри приложился лбом к столу, был завернут в собственный персидский ковер и скинут в Темзу.

Ни на следующий день, ни через день газеты не сообщили о его смерти. Зато я заметил, что кое-кто очень интересуется моей жизнью. Это была военная разведка. Убив старика, я привлек их внимание и с этого момента был обречен. Можно подкупить офицера полиции, прокурора или даже судью, но военная разведка никого не арестовывает. Если у них есть доказательства преступлений против Метрополии, они просто уничтожают такого человека.

Я предположил, что, если спрячу камни, они меня не убьют, пока не доберутся до них. Забегая вперед – я ошибался. Тем не менее в тот момент я был полон энтузиазма. Ты как раз собирался в экспедицию, и это было мне на руку, хотя, если бы не ты, подвернулся бы кто-нибудь другой, мне было без разницы. Я нашел тебя в Бристоле. Перед тем как подойти к тебе, я обратился к твоей дочери и подарил ей куклу. Я сказал ей, что мы с тобой не очень дружим, и если ты узнаешь о подарке, то выкинешь куклу. Джоан согласилась, что это было бы ужасно.

Потом я подошел к тебе и побеседовал. Это наверняка видели. Ты уплыл. Я собирался закончить некоторые дела и тайно последовать за тобой, но военная разведка пришла раньше. Они привязали меня к стулу и, используя такие простые вещи, как раскаленный прут, веревку с узелками и два ведра воды, за сорок минут разговорили меня до такой степени, что я рассказал им все. В том числе и то, что ты в достаточной степени педант для того, чтобы в журнале путешествий Британской академии наук записать точные координаты места, в которое отправился.

Как я уже говорил, джентльменов из разведки я недооценил. Узнав требуемое, они просто убили меня. А в следующее мгновение я очнулся в теле племянницы. Это было странно – но кто я такой, чтобы отказываться от второго шанса, даже если жить придется в теле девочки? Дальнейшее вы знаете. Эти камни стоят около двух тысяч гиней. Я предлагаю вам, миссис Гандсворт, полторы тысячи, сам же удовольствуюсь пятью сотнями. Согласитесь, это честно. Я знаю человека в Бисау, который купит их и не обманет нас.

– Ричард Кейтс, вы видите нестыковки в рассказе вашего брата? – холодно поинтересовалась Мэри.

– Нет, – помотал я головой.

– В таком случае драгоценности отправятся в Тауэр, а вы вместе с Ричардом – к расщелине.

– Вы обманули меня, – скривил лицо моей дочери Джон.

– Конечно же. Вы вор, убийца, грубиян и предатель. Я не считаю, что в чем-то перед вами провинилась. – Миссис Гандсворт встала из плетеного кресла, выпрямив спину и гордо глядя на Джона в теле моей дочери. – Кроме того, вы обращаетесь к действительному члену Британской академии наук «Дикки», а это совершенно неприемлемо и не может быть оправдано никакими причинами.

На следующее утро я, вместе с Джоном в девичьем теле и двумя парнями из числа помощников миссис Гандсворт, отправился к расщелине. Повозку везли две механические лошади, отрегулированные мною, а потому дорога не заняла много времени – уже к ночи мы были у скалистых отрогов.

Чернокожие помощники, хотя и не относились к народности фула, наотрез отказались идти дальше. Так что я взвалил связанное тело дочери на плечо и пошел вверх в одиночку.

Иногда Джон мычал сквозь кляп. У него наверняка были отличные предложения, но я не представлял, что именно могло помешать мне продолжить борьбу за свою дочь.

Путь вверх с такой ношей занял почти всю ночь. Обессиленный, я ввалился в домик Оби и потрясенно замер. Она была жива. Более того – у нас были гости. Ведьма сидела у очага, связанная, а рядом с ней, с раскаленными железными прутьями в руках, стояли двое невозмутимых джентльменов – чернявый и светло-русый, в остальном – как братья.

В том, что это джентльмены, я совершенно не сомневался. Наверняка мы с ними пересекались на улицах Лондона, а возможно, и одевались в одних и тех же магазинах. Кстати, одеты они были, несмотря на духоту и глухую провинцию, идеально: камзолы, сорочки, шейные платки, шляпы. Тем более обидно было то, что на теле Оби вздувались страшные ожоги. Джентльмен не должен пытаться леди, даже если она всего лишь обнаженная туземная ведьма.

– Вы из военной разведки? – спросил я, опуская тело дочери на пол. Бежать смысла не было, особенно с таким грузом. Поэтому оставалась только одна надежда – на то, что джентльмены всегда смогут разобраться между собой.

– Ричард Кейтс, именем Британской империи вы арестованы по подозрению в преступлениях против Королевы, – ответил тот, что повыше. Чувствовалось, что он говорит не просто заученные фразы, а получает удовольствие от каждого слога.

– Хочу отметить, что ваши драгоценные камни, которые были в кукле, уже едут на мониторе «Доблесть и честь» в сторону Бристоля, – сказал я. – Так что предлагаю просто оставить нас в покое.

Джентльмены переглянулись, а затем, не сговариваясь, пошли на меня. Я постороился, и они спокойно прошли мимо. Я выглянул из дома – разведчики стояли футах в пятнадцати, и, глядя на дверь, тихо переговаривались.

Я развязал Оби. Она безучастно смотрела на меня.

– Как ты? – поинтересовался я.

– Как обычно после воскрешения, – тихо ответила она. – Совершенно обессилена и ничего не хочу.

Она и впрямь была на удивление апатична. Я понял, что с ее стороны помощи не дождусь.

Тем временем джентльмены вернулись.

– Прошу прощения, сэра Ричард, – сказал один из них куда более вежливо, – но я обязан убедиться в том, что вы говорите правду. Вам придется последовать с нами во Фрипорт до уточнения всех обстоятельств.

– Я готов, – ответил я. – Но моя дочь больна, и единственное лекарство находится неподалеку отсюда. Прошу дать мне два-три часа на решение личных дел.

Они не стали возражать, но попросили разрешения сопроводить нас туда. Я не смог отказать им. Несмотря на чудовищную усталость, требовалось завершить начатое.

Я сел на пол, кольнул иглой палец и написал кровью на бумажке «Джоан Кейтс». Раз пять проверил точность написанного. Затем взвалил тело дочери на плечо и пошел.

Джентльмены следовали за мной. Я отметил, что они не задали ни одного вопроса по поводу связанной дочери. Возможно, в их мире это было нормально – связывать больную дочь перед лечением и таскать ее в горы.

Расщелина совершенно не изменилась за прошедшие несколько дней. Я аккуратно положил тело перед провалом, убедившись, что оно не сможет скатиться. Джон отчаянно вращал глазами и пытался выплюнуть кляп, но у него ничего не получалось. Я отошел подальше от серного пара и прикрыл на мгновение глаза. Мне нужно было дождаться, когда брат умрет, освобождая тело дочери.

А когда я открыл глаза, был уже день, связанным на краю расщелины лежал уже я, рядом валялся еще один спеленутый джентльмен – чернявый, а русый был убит ударом ножа в спину – на это явно указывала торчащая оттуда рукоятка.

– Ты все проспал, Дикки, – сообщил мне Джон. Он стоял чуть в стороне и дышал через влажную тряпку. – Хочу отметить, что, едва ты вырубился, любезные джентльмены убрали кляп, и я смог доказать им, что ты – безумец, пытающийся убить собственную дочь, потому что в ней, якобы, засел злой дух. Они развязали меня и стреножили, если можно так выразиться, тебя – ты даже не проснулся. Забавно то, что насколько эти джентльмены были осторожны со мной, когда я был мощным мужчиной, настолько они были беспечны со мной-девочкой. Я вынул у одного из них нож и револьвер, нож воткнул ему в спину, а второго связал, угрожая револьвером. Это было на удивление просто, Дикки.

– И что теперь? – спросил я.

– Все просто. Маленькой девочке, чтобы выжить в нашем опасном мире, нужны самые лучшие союзники – деньги. Тот из вас, кто сможет дать больше и докажет, что сделает это максимально безопасным способом, останется жить. Второй умрет. В качестве бонуса – вы дышите парами, в которых я чувствую ртуть и серу, а значит, время ваше не бесконечно и тянуть его нет смысла. Начнем?

– Секретный счет в банке, – мгновенно отреагировал связанный джентльмен. Он говорил хрипло и медленно, чувствовалось, что отравление уже состоялось и ему стоило поторопиться. – По кодовому слову можно снять до двухсот гиней. Это ты сможешь сделать и без меня. По векселю с проверкой – до восьмисот. Я выпишу, ты оставишь меня связанным в укромном месте, получишь деньги и будешь свободен.

– Дикки, твоя ставка?

Я промолчал. У меня не было таких денег. То есть если продать дом, инструменты, приборы – я мог набрать и более существенную сумму. Но в банке после выписанного Мэри векселя у меня оставалось не более полутора сотен.

– Что ж, – Джон в теле моей дочери подошел поближе. – Думаю, аукцион закончен.

Он поднял револьвер и направил его мне в переносицу. Я смотрел на него, мысленно вспоминая молитву. Хоть какую-нибудь. Близость расщелины сыграла свою роль – внезапно я вспомнил десятки, если не сотни молитв. Разным богам, на разных языках. И желание молиться сразу отпало.

Брат взвел курок, а в следующий момент ему в голову прилетел камень. Покачнувшись, тело девочки переступило с ноги на ногу и рухнуло в бездонную пропасть, ответившую очередным клубом серного пара.

Я повернул голову. Там, чуть в стороне, стояла Оби. Голая, как обычно. Со страшными ожогами на груди и животе. И в левой руке у нее был еще один камень – видимо, на всякий случай.

Она подошла ко мне, развязала, помогла подняться. Я не чувствовал ни рук, ни ног – связывая, со мной не церемонились. Мы отошли от расщелины футов на сорок, когда я вспомнил про джентльмена и попросил Оби развязать и его.

– Он пытал меня, – ответила она. – Мне не жалко его.

– Хватит уже смертей. Пожалуйста.

И мы вернулись, но джентльмен был уже мертв.

Мы оттащили его недалеко. Кажется, у меня была мысль закопать его. Перед этим я наскоро обшарил карманы покойного, хотя смысла в этом не было: наверняка Джон сделал это до меня и забрал все ценное. Единственное, что нашлось, – бумажка с надписью «Джоан Кейтс» в левом кармане камзола. Возможно, джентльмен счел ее уликой, доказывающей мое безумие. И в тот момент, когда слезы от осознания потери – на этот раз окончательной – потекли у меня по щекам, джентльмен внезапно открыл глаза и неожиданно тонким голосом сказал:

– Папа?

* * *

Мы остались у расщелины втроем: я, Оби и Джоан в теле джентльмена. Оби постепенно отходит от воскрешения – ей пока мало что надо, иногда даже поесть или в туалет сходить приходится уговаривать.

Джоан не может осознать произошедшего. Она рассуждает о том, как вырастет и выйдет замуж. Еще она хочет платье и панталоны. Меня это все по-настоящему печалит.

В то же время сам я сильно продвинулся вперед в научном плане. Я научился «общаться» с расщелиной. Она действительно хранит в себе все знания человечества и готова делиться со спрашивающим – надо только правильно построить вопрос.

Я уже смирился с тем, что останусь здесь навсегда. В этом есть плюсы – и наука, и Оби, и отсутствие необходимости объяснять жене и миру, что же произошло с Джоан. Но меня беспокоит то, что я оставил в журнале путешествий точные координаты этого места. А значит, рано или поздно сюда придут новые экспедиции. Потому что Метрополия своих не бросает.

Даже если те хотят, чтобы их бросили.

Ника Батхен Алоха Оэ

Первый шаг – в море. Подол рясы моментально промок, теплая вода охватила усталые ноги, пропитала ремешки и подошвы сандалий, тронула ноющие колени, подобралась к животу. Сестра Марианна неловко улыбнулась и тут же укорила себя за суетность. Ее ждал ад.

Вокруг стонали, орали, плакали. Дирижабль сбросил тросы и спустил трап, не долетев до суши, выплюнул обреченный груз прямо в волны. Вдоль прибоя тянулась полоса кораллового песка, но не у всех оставались силы пройти жалкую сотню метров. Одна большая старуха уже всплыла, словно оглушенная взрывом рыба. Привычным движением Марианна проверила пульс на шее – увы. Другая женщина споткнулась, но упасть не успела – соседи подхватили ее и повлекли к берегу. А вот у малыша-полукровки помощников не нашлось, кроме немолодой белой *вахине*. Усадив на бедро ребенка, монахиня побрела вперед. Тяжелый серебряный крест оттягивал шею, саквояж бил в бок, ноги вязли. Кудрявый мальчик доверчиво прижался к спасительнице, на переносице у него виднелась первая складка будущей «львиной морды».

...Раньше миссия представлялась совсем другой. В строгой приемной Ордена Марианна грезилась о прелестных деревушках под сенью пальм, кротких девушках в белых одеждах, хоре миссии, возглашающем «Аве, Мария» под огромным иссиня-черным небом, под божьими фонарями – недаром именно на островах так ярко горит созвездие Южный крест. Нет, монахиня не была белоручкой – побывала и в приютах для брошенных матерей, и в рабочих кварталах, и в странноприимном доме, пересидев вспышку тифа вместе с паломниками. Но миссионерство виделось ей непаханой нивой, ждущей только семян. А оказалось все так же, как и в Нью-Йорке, только грязнее. И страшнее – смерть смердела из язв, помахивала култыгами, вываливала язык из гниющих ртов. Отец Дэниел уже болен проказой. И ее, Марианну Хоуп, ждет та же участь. Господи, сохрани!

– Сестра, скорее! Нужна ваша помощь!

Грузный мужчина в круглых очках, бесформенной шляпе и заношенном облачении вошел по колено в воду, приветственно махая беспалой рукой. Голос у него оказался звонким, как колокола Сен-Лазара. В лицо Марианна старалась не смотреть пристально. Запах... в тифозном бараке смердело хуже.

Источенная туземка, скорчившаяся на песке, истекала кровью. То ли выкидыш, то ли поражение матки. Размер алого пятна не оставлял сомнений – положение очень серьезно.

– Отнесите ее в хижину! Женщина не собака, чтобы лежать на улице. Дайте мыла, воды, чистые полотенца!

– Прикажете подогнать карету, заказать операционную и вызвать анестезиста с наркозом? – В голосе священника прорезался нехороший сарказм. – Во всем Калаупапа вы не найдете ни одного полотенца и ни одного куска мыла.

«Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его», – подумала Марианна, но ничего не сказала.

В жалкой хижине не нашлось даже свежей подстилки. Выглянув наружу, монахиня подозвала женщин, попросила их нарезать веток. Услужливый подросток приволок откуда-то кусок тапы и натаскал три ведра пресной воды. Духота ударила в голову, острый запах крови и мятой зелени вызывал тошноту. Холод на живот не помог, больная быстро теряла силы. Повторяя про себя «Блаженны непорочные в пути», Марианна делала свое дело – обтирала потное лицо женщины, поила ее, меняла перепачканные листья. Она думала при-

менить обезболивающую маску, но больная не слишком страдала. Улыбка, не сходящая с бледных, искусанных губ, поразила монахиню:

– Ты веришь в Христа, чадо? – спросила Марианна.

– Нет, – с трудом пробормотала туземка и снова выгнулась в мучительной судороге. – Тангароа даст мне тело акулы и вернет свободу. Я боялась, пока плыла, боялась долгой смерти, гнили, мерзости. А теперь ухожу легко. Алоха оэ, добрая женщина, ищи меня в океане.

Из последних сил больная приподнялась на постели и начала петь – легким голосом, маленькими словами, словно волны стучатся в гальку. Этого диалекта, в отличие от пиджин-инглиша и гавайского, Марианна не знала. Оставалось только твердить молитву, надеясь, что бог простит умирающую язычницу – она не ведает, что творит. ...Отошла. Мир ее душе.

Монахиня обтерла кровь с тела, прикрыла ноги одеждой. Из-за стен хижины грянули барабаны. Священник заглянул внутрь:

– С похоронами лучше поторопиться. Здесь жарко, трупы разлагаются быстро.

– Откуда вы узнали, что больная отдала богу душу?

– Море сказало. Поживете здесь – и научитесь слышать.

Двое гавайцев с носилками протиснулись внутрь. Тело женщины усыпали цветами, оставив открытым только лицо. Процессия двинулась вдоль побережья, мимо медленной стаи акул, потом свернула к подножию горы. Барабаны стучали, девушки хором пели псалмы. Глядя на белые платья и изуродованные лица, Марианна едва не плакала.

– Позвольте помочь вам, мисси?

Давешний подросток протянул руку к ее саквою. Марианна разглядела его – нет не мальчик, юноша, почти мужчина. Чуть раскосые, кофейного цвета глаза, высокие скулы, приплюснутый нос, мягкий рот. Доверчивая улыбка – из-за нее подросток смотрелся младше своих лет. И никаких признаков болезни – пышные кудри, чистая кожа, свежий запах – здоровые юноши пахнут морем и молоком, а девушки – полевыми цветами. Что он делает в этом месте?

– Окей. Только будь осторожен – там внутри хрупкие... вещи.

Механические часы, пунктуальные, как отец настоятель. Стетоскоп из самого Лондона. Новомодная маска с длинной кольчатой трубкой и флаконом «газ-доктора» – двух-трех вдохов хватает, чтобы остановить самую страшную боль. Спиртовка и колба. Спринцовка. Скальпели. Бутылка бесценной карболовой кислоты. Йод, хина и каломель. Свертки бинтов. Карманное зеркальце – подарок человека, о котором следовало забыть двадцать лет назад...

– Это наше кладбище, сестра. Скромно, правда? – гулкий голос священника вывел монахиню из размышлений.

Длинные ряды холмиков, украшенные крестами или грубо обтесанными камнями, действительно выглядели неприятно.

– Тринадцать лет назад мертвых бросали в грязь. Живые валялись в хижинах и ползали по улицам, пока не отдавали богу душу, крысы и свиньи пировали на трупах. Не было ни школы, ни госпиталя, ни церкви. Даже крещеные молились акулам и украшали цветами идолов.

– А теперь они несут цветы Мадонне? – вырвалось у Марианны.

– Да, – подтвердил отец Дэниел. – Не все, но многие. Видите – девушки прикрывают грудь, мужчины не расписаны глиной. Они знают «Отче наш» и больше не путают Христа с Тангароа. Я вчера исповедал двоих.

– И похоронили?

– С миром. Здесь остров смерти, сестра. И вы знали это, когда просились на Калаупапа. Впрочем, вас Бог спасет. Красивый крест...

У подножия святой Филомены красовались дары – лодочное весло, кукла, несколько костылей, маска в форме человеческого лица. Значит, не все так плохо?

Когда служба закончилась, Марианна обратилась с вопросом, и отец Дэниел подтвердил надежды монахини:

– Изредка болезнь отстывает на годы или десятилетия. Язвы рубцуются, пятна сходят, раны покрываются новой кожей. Весло принес Мауи – Господь исцелил его, и еще восемь лет он ходил в море за рыбой для всей колонии, пока не утонул. А кукла – дар красавицы Таианы. Девочке уже семнадцать, и она до сих пор здорова.

– Что помогло? – перед отъездом Марианна читала журнал «Ланцет» и «Новости медицинского общества» – от проказы не помогали ни прививки, ни ампутации. Доктор Норелл предложил прогревание паром под давлением в аппаратах, похожих на «испанские сапожки» – симптомы ослабевали на время, но потом возвращались с утроенной силой.

– Я не знаю. Они мазались желтым бирманским маслом и кокосовым молоком, принимали морские ванны, грелись на солнце – как и многие сотни тех, кто не выздоровел.

– Вы не участвовали в лечении, святой отец?

– Нет, конечно же, нет. Я построил госпиталь, где беспомощные могут получить перевязки, еду и покой. Но исцеление тел не моя стезя. Вы, сестра, разбираетесь в этом лучше. Пойдемте!

Две длинные хижины, крытые соломой, выглядели неплохо. О кроватях для больных можно было и не мечтать, но подстилки оказались свежими, в комнатах жгли благовонную смолу, еду готовили в чистом котле, а помощники-гавайцы работали в меру сил. Заведовал ими белый фельдшер – Ян Клаас, бывший боцман с корабля с сомнительной репутацией. Он был однорукий, вместо левой носил железный протез, нарочито страшный, несмазанный, с торчащими винтами – туземцы страшно боялись «стального кулака», не понаслышке зная о его тяжести. Как выяснила впоследствии Марианна, епитимью до конца дней прислуживать прокаженным на боцмана наложили в Гонолулу. Чем провинился рыжебородый голландец, не ведал даже святой отец. Давешний мальчик Аиту тоже был здесь – разносил еду и помогал больным.

Первым делом – уборка. Лежачих вынесли в тень пальм, ходячие выбрались сами. Марианна собственноручно протерла щелоком полы и стены, проследила, как выбивают циновки и роют (о, эти белые!) две выгребные ямы для нечистот.

Лекарств почти не было. Сок плодов ноны, кокосовое масло, порошок из листьев ти, свежая зола, рыбий жир и несколько пузырей-грелок. Желтое бирманское масло в небольшой бутылке – Ян объяснил, что это дорогое лекарство, его дают за плату. Запасы из драгоценного саквояжа показались Марианне смехотворно бедными. Любыми способами следует наладить доставку помощи!

Приходящих больных оказалось немного. К вящей радости монахини случаи выглядели простыми. Марианна выпустила гной из огромного ячменя на веке у младенца, соорудила бандаж для грыжи изнуренному рыбаку, с помощью вездесущего Аиту успешно вправила вывих лодыжки старухе. Ампутация выгнивших пальцев пугала, но пациент держался спокойно – грузный мужчина неопределенного возраста, со стертым болезнью лицом.

– Я ничего не чувствую, мисси. Уже давно! Просто отрежьте их.

Пробормотав про себя «Отче наш», Марианна взялась за скальпель. Аиту крепко держал больного. Крови не было, словно нож кромсал вяленую рыбу. От смрада замутило, но тошнота быстро прошла. Не экономя драгоценный йод, монахиня обработала культю, не пожалев бинта, наложила повязку. Прием окончен!

С двумя лежачими вопросов не возникало – у одного вконец отказали ноги, другой ослеп и лишился пальцев. Им требовался лишь уход. У китайца, не знающего ни слова на пиджин, оказалась малярия – вот где пригодится хинин! А смуглая толстуха, с удивитель-

ным аппетитом поедающая больничную кашу, показалась монахине попросту симулянткой. Понаблюдаем... Одно радует – сегодня здесь никто не умрет.

Марианна надеялась отдохнуть в школе, но там ей стало еще хуже. Дети как дети – шумят, щипаются, ябедничают, хором повторяют за священником буквы алфавита. Если закрыть глаза, ничем не отличается от приходской толкучки в Бронксе. А открывать почему-то не хочется. Лишь несколько малышей выглядели здоровыми. Пока здоровыми.

Спустя несколько лет и ее тело превратится в грудку гниющей заживо плоти. Марианна мечтала служить Господу изо всех сил. Теперь груз показался слишком тяжел. Но отцу Дэниелу приходилось тяжелее уже сейчас. Опытным взглядом монахиня видела знаки боли – сжатые губы, дрожь в пальцах, скованность движений. Когда последний ученик вышел из класса, священник буквально осыпался на пол. Слава богу, что саквояж всегда под рукой – надеть на больного маску Марианна могла бы и с закрытыми глазами. Она повернула клапан, отмеряя точную дозу «газ-доктора». После двух вдохов тяжелое тело расслабилось, дыхание стало ровнее. На несколько минут священник потерял сознание. Поверхностный осмотр не выявил ничего, кроме жара и желтизны кожи, а раздевать мужчину Марианна не рискнула. Она склонилась над ним, выслушивая дыхание. Отец Дэниел открыл глаза. Сел, осторожно потер правый бок, улыбнулся, на мгновение помолодев. И вспомнил.

– Вашего лекарства хватит на всех, сестра? На каждого, кто корчится на подстилке в хижине, сутками сидит в море, прыгает с Акульей скалы, чтобы смертью унять невыносимые муки?

– У меня около двадцати доз для самых тяжелых случаев.

– Тогда запомните, сестра Марианна, – никогда больше так не делайте! Я живу вместе с прокаженными, ем их хлеб, крещу их детей, рою им могилы, как они однажды выкоют мне. И пока лекарств не хватает на всех, мне они не нужны.

Гордыня или ангельское смирение? Впрочем, святому отцу можно все. Утомленная Марианна не стала спорить, она вернулась в свою хижину, скоротала за молитвой сиесту, а после отправилась бродить по острову. Внимательный взгляд монахини выискивал лица особой, хищной и жадной породы. Закон есть закон, дорога на остров ведет только в один конец, но везде и всегда находятся хитрецы, пролезающие сквозь щели. За плату – достойную, щедрую плату, конечно же.

Чутье привело ее к главной площади поселка, где в тени отдыхали мужчины, беседовали о своем старики и копошились пыльные куры. Угрюмый, толстый как гора таитянин возлежал под навесом, пил перебродивший сок пальмы из разрисованного калемаса, плевал красным в красную пыль. Он отказался назвать свое имя, отказался брать деньги и назначил плату – любовь белой женщины. Так ли она нежна под одеждой, как рассказывают *тане* с летающих лодок? Будь на месте Марианны чопорная Эванжелина, она бы уже бежала к священнику, квохча и охая. Будь здесь Пэйшенс, дело бы кончилось оплеухой. Но монахиня не зря потратила годы на сорванцов Бронкса. В ее необъятном саквояже таились сокровища. Музыкальная шкатулка с лошадкой и всадницей, горсть разноцветных стеклянных шариков, механический заводной цыпленок, умеющий прыгать и верещать. И чудо чудное – калейдоскоп с объемными, переливчатыми картинками.

...Любовь белой женщины! Человек-гора хихикал, взвизгивал и хлопал в ладоши, поворачивая игрушку, ловя солнечные лучи, чтобы стеклышки ярче блестели. Заскорузлое лицо стало нежным, как ветка дерева, с которой сняли кору, глаза засияли. Господь на небе, изыщи он секунду взглянуть на островок в океане, тоже бы улыбнулся – в каждом мужчине до смерти живет мальчишка. Довольная Марианна достала из потайного кармана тощую пачку долларов, присовокупила две самые большие жемчужины и рассказала, куда именно стоит пойти в Гонолулу, чтобы продать товар и купить товар за честную цену. В маленькой лавочке на улице Колетт недалеко от госпиталя уже пятнадцать лет прятался от товарищей

по оружию Джон Гастелл, бывший конфедерат, который так и не научился стрелять в людей. Плохой солдат оказался хорошим торговцем и заслужил доверие миссии. Он отправит телеграммы на материк, если кабель опять не повредили киты.

Пока человек-гора, пыхтя и охая, вытаскивал из сарая непрочную на вид лодку-каное и проверял снасти, Марианна устроилась в тени пальмы, занялась перепиской. Две «летучки» в Нью-Йорк – отцу Франциску с просьбой о вспомоществовании, и дорогуше Дейзи Кларк, подружке по пансиону и единственной дочери преуспевающего фабриканта – с той же просьбой. Два письма в Гонолулу – смиренное королю и гневное губернатору. Одно на Самоа – у сестер найдется чем поделиться. И список, точный подробный список, чтобы этот любитель белых женщин с пользой потратил деньги. Читать он конечно же не умеет...

К вящему удивлению Марианны, таитянин достал из необъятных складок набедренной повязки веревку и начал вязать узлы, неохотно поясняя: «ткань», «рис», «саго». Слова «хинин» и «йод», впрочем, звучали для него околесицей – отчаявшись объяснить, Марианна показала флаконы и оборвала с них этикетки для образца. Одутловатая физиономия посредника не внушала ей доверия, но честный контрабандист – оксюморон. На всякий случай монахиня припомнила витиеватое уличное проклятие и вдобавок пообещала своему Ганимеду, что акулы сожрут его за побег и обман. Брезгливое лицо таитянина перекосила усмешка:

– Я прокаженный, мисси. Мне некуда бежать. А акулы меня все равно сожрут, рано или поздно.

Проводив взглядом утлое суденышко, Марианна отправилась к хижине. «Домой» – в первый раз за множество лет у нее появилось место, которое позволительно назвать домом. Она шла, оскользаясь на влажной глине, оступаясь о корни, спотыкаясь о камни, и наконец поняла, что смертельно устала. Жара, путешествие, переживания навалились на спину тяжелым грузом. Обитатели колонии удивленно смотрели на пошатывающуюся, еле бредущую женщину, но никто не предложил помощи. И когда Марианна упала на серый песок у порога дома, ей показалось, что она больше не поднимется – голову сжало обручем, руки налились свинцом, по спине перетекала боль. Не хватало сил ни перевернуться, ни достать воды, ни заплакать. Только пестрые мошки ползали перед лицом, суетливо толкали песчинки, выскивали себе пищу, да взбалмошный попугай орал с пальмы.

Вскрытый кокос, полный свежего сока, показался ей даром ангелов. Заботливый Аиту успел и здесь – неужели выслеживал?

– Вы слишком долго были на солнце, мисси, и очень мало пили. Здесь нельзя не пить. Позвольте, я помогу.

Не успев возмутиться, Марианна почувствовала, как руки юноши прикоснулись к ее одежде. Аиту ослабил пояс и воротник рясы, снял головное покрывало, положил на ноющий затылок что-то прохладное. И начал разминать, растягивать и разглаживать ноющие бугры мускулов, ставить на место косточки. Дикое, странное ощущение. Марианна не помнила, чтобы кто-то когда-то прикасался к ее телу столь непозволительным образом. Но ничто в ней не возмутилось – наоборот, это было приятно, как погрузиться в купальню посреди жаркого дня. Кровь быстрее побежала по жилам, мышцы расслабились, боль ушла. Но подняться не получалось – тело стало расслабленным, легким как перышко, сладкая дрема отяжелила веки. Незаметно для себя монахиня провалилась в короткий сон. И проснулась здоровой, освеженной и полной сил.

Терпеливый Аиту сидел рядом с ней, прикрывая от солнца листом пальмы.

– Как ты это сделал, чадо?

– Ломи-ломи-нуа, лечение телом и духом. Мой род – кахуна, посвященные Тангароа с рождения. Прадед превращался в акулу, дед ходил босиком по углям, братья видели вещи

сны, а отец исцелял руками. Он мял людей как глину и собирал заново, выдавливая болезнь вместе с потом. Он не успел научить меня всему, но я очень старался.

– Ты крещен, Аиту? Ты веришь в Христа, нашего спасителя?

– Да, мисси. Мое церковное имя На-га...

– Натаниэль?

– Да, мисси. Я ношу крест, выучил «Кредо», хожу в церковь по воскресеньям и не хожу без одежды – это грешно.

– И не зовешь демона Тангароа, когда лечишь руками?

– Нет, мисси. Только когда проплываю в лагуне над Глазом Свиньи – там злой водоворот.

«Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его». Марианна вспомнила житие святого Венсана де Поля – многотерпеливый преподобный учил священников не начинать службы с «Отче наш» и не спать со своими служанками.

– Прости, если вопрос причинит боль. Почему твой отец не смог исцелиться сам и помочь братьям?

По живому лицу Аиту пробежала тень.

– Он заразился, когда лечил соседей. Тангароа не в силах справиться с недугом белого человека.

– А с какими недугами умеешь справляться ты?

– Умею вправлять суставы, складывать сломанные кости, возвращать внутренности на место, унимать боль. Знаю, как вернуть сон, вернуть радость, прибавить сил. Отец провожал умирающих, я не умею.

– Пока не умеешь, чадо. Ты слишком юн для такого груза. Постой... ты помогаешь в больнице, чтобы учиться?

– Да, мисси. Я видел, как *тане* давал больному горькие пилюли и жар прошел. Я видел, как вы, мисси, надели второе лицо на отца Дэниела и ему стало не больно. И человека с отрезанной ногой видел – он должен был умереть от заражения, но умер спустя десять весен, от проказы.

Отвернувшись к морю, Марианна ухмыльнулась – она вспомнила, как подглядывала за сестрой Гоноратой, зашивающей рану бродяжке, и как умолила суровую монахиню обучать ее азам медицины. Жаль, женщинам запрещено получать патенты врачей.

– Как же ты очищаешь раны?

– Червями, мисси – они выедают больное мясо и не трогают здоровое.

– А если рана расположена на животе?

– Прошу у Тан... у Христа легкой смерти. А что делаете вы, мисси?

– То же самое. Но если кишки не повреждены, пробую обеззаразить рану и зашить ее шелковой ниткой.

– О-без-что?

Помянув царя Давида в третий раз, Марианна рассказала Аиту о невидимых зверюшках – микробах, живущих вокруг людей. Микроскоп бы сюда или хотя бы лупу... ничего, закажем в следующий раз. Ученик захлопал в ладоши и тут же удрал мыть руки. Что ж, все знания, которые есть у одной старой монахини, мальчик получит. Жаль, врачом ему не стать – математика и латынь. И «цветной» – в альма матер. Немыслимо! Но за неимением шелковой бумаги пишем псалмы на оберточной. Когда Аиту вернулся, Марианна уже достала из саквояжа анатомического Джонни – подвижную куклу, которую можно было раскрывать по слоям – кожа, мышцы, внутренности, скелет. И до темноты, с грехом пополам подбирая правильные термины на пиджин, рассказывала, как устроено изнутри тело человека.

Едва неуклюжий серпик луны поднялся над морем, к хижине прибежал перепуганный насмерть юноша чуть старше Аиту – у жены первые роды, а старухи отказались помогать чужачке. Помянув добрым словом акульского бога, Марианна подхватила саквояж и поспешила на выручку.

Маленькой китайке пришлось нелегко – многоводие, крупный плод, страх. Но в свой срок на свет появилась красивая смуглая девочка. Внимательный осмотр не выявил никаких признаков проказы. Может быть, ей повезет? Марианна помолилась о здравии, убедилась, что роженица вне опасности, и отправилась отдыхать с легким сердцем. Проходя над скалистым обрывом, она посмотрела на море – смуглый юноша плавал в акульей стае, кувыркался в волнах, шлепал по спинам – голубым и серебряным, – и хищницы словно играли с ним. Страх кольнул сердце женщины горячей иглой, но Марианна удержалась от паники. Они одной крови.

Поутру монахиня проснулась к ранней мессе и целый день провела в трудах. И следующий день. И следующий за ним – словно кто-то влил молодое вино в старые меха. Марианна попевала повсюду – лечила, утешала, молилась, показывала, как кроят платье и пишут буквы, убирала к венцу невесту, шила саван, варила суп в большом котле, сидела с отцом Дэниелом, когда воспаление печени снова свалило его. Силы били ключом, их хватало на все и еще оставалось на занятия с Аиту – юноша впитывал знания, как земля воду. За считанные дни он выучил четыре действия арифметики, подобрался к дробям и угольком на доске вывел первое «esse». Esse homo – не чета иным белым. Но кесарю кесарево, у Марианны давно уже хватало мудрости не менять то, что не менялось.

Через две недели приплыла лодка. Будь благословен, жирный старый жулик! Четыре Библии в переводе на гавайский. Два флакона «газ-доктора» – спасибо, спасибо вам, сестры. Бинты, йод, хинин, карболка, каломель, камфара, сахар, мука, рис, саго, мыло и простыни – пусть враги веры Христовой спят в тропической хижине без простыней и москитной сетки. Телеграмма от отца Франциска. Оскорбительное молчание от губернатора. И бочонок карибского рома – капелька алкоголя дезинфицирует воду, придает сил ослабевшим и останавливает злокачественный понос. Из-за бочонка, пузатого и соблазнительного, и начался бунт – на острове давненько не водилось спиртного, а любопытные туземцы тут же приметили выпивку.

Марианна перевязывала больного в мужской хижине госпиталя, когда раздался многоголосый шум. Разношерстная толпа подвалила из леса, вооруженная кто во что горазд – палки, пращи, камни, дубинки, утыканые острыми раковинами. Разгневанные мужчины орали на нескольких языках разом, Марианна понимала их через слово. Что-то про проклятых белых людей, которые привезли на острова китайских кули и приманили ненавистную проказу. Про месть и справедливость, о которых давно забыли. Про то, что добрая выпивка облегчает боль и радует душу, а жир, вытопленный из головы европейца, заживляет лепрозные язвы. Марианна захлопнула дверь хижины и торопливо подперла ее аптечным шкафом.

Снаружи разнеслись крики и страшная брань. Рыжебородый боцман Ян Клаас не стал искать правых и виноватых, его тяжелые кулаки равномерно отвешивали удары. На мгновение показалось, что страх перед грозной железной рукой отрезвит бунтовщиков. Но взметнулись и опустились дубинки, раздался жуткий хруст ломающихся костей. Потом сквозь плетеную стену просочилась тоненькая змейка дыма. Лежачие прокаженные взвыли от страха.

«Они сожгут меня заживо, вместе с больными», – отстраненно подумала Марианна. И вздрогнула – звонкий голос Аиту убеждал соплеменников опомниться, не карать тех, кто потратил жизнь на возню с обреченными, не гневить ни Христа, ни свирепого Тангароа. Справедливость существует, бог слышит нас и отвечает, как может. У нас есть друзья и родные, море и белый песок, цветы лехуа, песни птицы ививи, жемчуг и раковины. А у Христа на кресте никого не было, даже отец оставил его.

Звук удара прервал горячую речь. Упал. Убили! Одним рывком Марианна отодвинула шкаф от двери, выбежала наружу, готовая драться за юношу, как волчица бьется за своих щенков. Слава богу!

Отец Дэниел уже стоял над упавшим, протянув перед собой распятие, словно щит. Гулким и властным голосом он повторял псалом – ничего больше, только слова Давида.

– ... Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои...

С каждой строкой вокруг становилось темнее. Ветер ударил в колокол, стрелы дождя хлестнули по обезумевшим людям, град заставил пригнуться. Заводилы отступили на шаг, на два... побежали, бормоча что-то о гневном белом боге. Марианна метнулась к Аиту, припала ухом к груди, выслушивая дыхание, погладила спутанные мокрые волосы. Жив. Жив!!! Сотрясение мозга, пара синяков, может быть небольшая горячка. Боцману Клаасу повезло куда меньше – осколки ребер проткнули легкое, несчастный харкал кровью. Оставалось впрыскивать камфару для поддержания сердца, менять холодные примочки и надеяться на благополучный исход. Будь здесь операционная, аппарат искусственного дыхания, кислородная подушка, хотя бы один хирург!!!

С помощью перетрусивших служителей-туземцев Марианна и Дэниел перетащили раненых в госпиталь. Одному из бунтовщиков Клаас свернул челюсть, другому нос, третий споткнулся на мокрой траве и вывихнул ногу. Гневные лица стали виноватыми и просительными, прокаженные устыдились.

– Они как дети, – сказал отец Дэниел. – Утром ломают игрушки, а вечером просят у них прощения. Пар вышел, теперь на острове надолго воцарится покой.

Взволнованная Марианна всю ночь просидела рядом с больными. Клаасу стало хуже, пришлось извести три дозы драгоценного «газ-доктора». К утру боцман впал в беспамятство. Аиту же, наоборот, спал здоровым сном молодости. Марианна не могла насмотреться на точеные черты лица, длинные пальцы, сильные мышцы шеи. Завиток волос, свернувшийся на щеке, соблазнял ее – поправить, убрать за ухо. Все равно же придется сменить компресс, обтереть горячую кожу, ощутить легкое дыхание, нежное, сладостное...

Утром Марианна бесстрашно прошла по хижинам, поговорила с родителями и собрала группу из девяти подростков, желающих изучать медицину. Она заново начала лекции по анатомии, антисептике и латыни – с последней дела обстояли плохо. Но ученики компенсировали неуспехи старанием, они радостно бинтовали, накладывали лубки, промывали язвы и поочередно дежурили в госпитале.

С Аиту она больше не оставалась наедине и ничем не выделяла его из числа учеников. Юноша сперва стал стараться еще больше, потом отдалился, ушел в себя. А монахиня опасалась называть болезнь по имени, промолчала даже на исповеди – все уйдет, само сотрется из памяти. Время лечит. Тем паче, что появился новый повод для беспокойства. Через несколько дней после бунта, во время купания Марианна обнаружила плотные красные пятна на коже обеих молочных желез. Не оставалось сомнений – проказа добралась и до нее. Оставалось ждать следующих симптомов – болей в суставах, лихорадки, апатии, утолщения кожи на лбу. И смерти, постыдной, хотя и мирной.

Марианна так часто разглядывала себя в карманное зеркальце, что отец Дэниел невольно обратил на это внимание. Он задал вопрос – двусмысленный, кто бы спорил. Он был бы плохим священником, если бы не заметил взаимной симпатии Адама и Евы – какая разница, сколько им лет и что за пропасть их разделяет. Вместо правильного ответа Марианна указала на зловещие пятна. Отец Дэниел попросил посмотреть. Монахиня устыдилась – ни разу в жизни она не показывала мужчине грудь. Но священник ведь не мужчина...

Смех отца Дэниела напоминал хриплое карканье ворона:

– Сестра моя, бедная напуганная сестра! Это всего лишь опрелость, от жары и тесной одежды. Испросите у своего ордена разрешение носить легкое облачение, а до тех пор присыпайте больные места саговой мукой и промывайте дважды в день крепким чаем. А проказой вы заразиться вообще не можете.

Устыженная Марианна сперва не осознала, что именно сказал священник. Ей хватило ослепляющей радости: «Я здорова!» Но нужные слова колючками проросли из сознания.

– Почему вы уверены, что я не могу заболеть? Существуют люди, невосприимчивые к лепре? Как вы их выделяете, святой отец и почему до сих пор не рассказали об этом мне?

– Все проще, сестра. Искушение подстерегает нас там, где мы об этом даже не думаем. Двадцать с небольшим лет назад, когда я только собрался нести слово Божье в Калауапа, меня вызвали к генералу Общества Иисуса. Петер Ян Бекс был бельгийцем, моим соотечественником и хорошим человеком, он хотел защитить меня. И предложил взять реликвию. Ту, что сейчас украшает вашу шею.

«Я владею святыней?» Марианна прикоснулась к тяжелому серебряному кресту. Старинная вещь дивной работы, но что в ней особенного?

– Вашей реликвии, сестра Хоуп, исполнилось семьсот лет. Внутри – подлинные мощи святого Лазаря и великая сила двух крыльев церкви. В 1170 году палестинский король Амори (вы даже не слышали о таком) заказал этот крест для единственного сына, Бодуэна. Девятилетнего наследника трона Святой земли поразила лепра – подлые египтяне прислали в подарок принцу красивый плащ, в котором прежде спал прокаженный.

Изготовил реликвию мастер Монфор, тот, что украшал Гроб Господень. За мощами отправились лазариты – восемь опоясанных рыцарей ушло в пустыню, один вернулся и умер у Верблюжьих ворот, сжимая в руке трофей. Сам папа римский помолился над крестом, и византийский патриарх помолился тоже – мачеха Бодуэна, королева Мария, была родом из Константинополя, она сжалилась над пасынком и попросила о помощи императора. И реликвия обрела огромную мощь. Тот, кто носил крест Лазаря не снимая, избавлялся от проклятой болезни, лепра отступала... как оказалось, на время.

Юный Бодуэн почувствовал себя лучше. Но у него был друг, паж из благородной семьи. Мальчик заразился, принц узнал и, не слушая никаких возражений, перевесил спасительную реликвию на товарища. Бодуэн вырос, получил трон, десять лет держал за глотку султана Салахаддина и умер от проказы. Паж вырос, стал рыцарем, женился, продолжил род. Крест передавался от отца к сыну, пока орден иезуитов не отыскал реликвию. Генерал настаивал, чтобы я защитил себя от страшного риска. Я отказался – это было бы не по-христиански. Генерал заявил, что однажды я передумаю. Он ошибся.

– Отец Дэниел, вы поступаете глупо, – сгоряча ляпнула Марианна. – Кто как не вы творит чудеса, кому еще доверяют несчастные, обездоленные люди! Живой и здоровый, вы сможете сделать для прокаженных намного больше.

– Христос тоже поступал глупо, – мягко улыбнулся отец Дэниел. – Он мог бы бродить по Палестине, проповедовать, учить и лечить. И никакого креста.

– Я прошу вас! – Марианна упала на колени. – Будьте благоразумны! Защитите себя и снимите с меня эту ношу.

– Нет.

Отец Дэниел развернулся и ушел из часовни. Марианна заплакала в голос и не могла унять слезы до ночи. Ни молитва, ни море, ни прогулка по горным тропам не дали успокоения – святая вещь пудовой гирей давила на грудь. Она, Марианна, может спасти любого человека на острове. Ребенка, женщину, старика. Самого отца Дэниела, если упрямца удастся уговорить. Страшные язвы зарубцуются и исчезнут, плоть станет теплой, душа оттает. Мальчик с гниющими веками начнет видеть, маленькая китаянка выкормит дочку

грудью, жирный прокаженный жулик станет жирным здоровым жуликом. Или она сама продолжит помогать людям, облегчать страдания обреченных, не рискуя собой, не страшась болезни. Где справедливость? Кто должен решать, кто подбросит монетку? Господи, вразуми.

Не в силах справиться с переживаниями, монахиня отдалилась от людей. Она посещала госпиталь, утреннюю мессу и вечерние занятия по медицине. Все остальное время Марианна проводила на уединенном пляже, глядя на воду и круг за кругом читая псалмы. От «Блажен муж, иже не ходит на совет нечестивых» до «извлекши меч у него, обезглавил его и снял позор с сынов Израилевых» – и снова, и снова. У берега собирались голубые и серебряные акулы, покачивались на волнах, словно слушая Писание. Вдруг они и вправду были людьми, вдруг демон может освободить их души? «Святой Франциск ведь проповедовал птицам», – подумала однажды Марианна и тут же укорила себя за гордыню. А отец Дэниел не задумывался о таких мелочах. Он разговаривал с хищными рыбами, выходя по ночам к утесу Бабочек, разговаривал так же терпеливо и медленно, как с туземцами. И к священнику приплыла старая акула – огромная и уродливая, покрытая язвами, словно человеческая болезнь поразила холодное тело. Проповедь завершалась, двое сидели рядом – рыба в море, человек в лодке. Они молчали.

«Я хотел стать луддитом, – признался однажды отец Дэниел, когда они с монахиней украшали храм к Рождеству. – Ломать машины, ставить палки в колеса, подсыпать песок в бесконечно вращающиеся шестеренки. Чтобы мир оставался прежним, воздух чистым, дети природы жили и умирали в своем раю. Я боролся, потом смирился. И стал слугой Божьим». Марианна не нашла, что ему ответить.

Сухой сезон сменился дождливым, больных стало больше – малярия, тропические язвы, элифантиаз, воспаления легких и почек. Из Гонолулу прислали новых больных, новенький микроскоп и благодарственное письмо от короля, из Самоа – лодку от сестер, с лекарствами и бинтами. Щедрая приятельница из Нью-Йорка перевела на счет миссии целых сто долларов. А безвестная библиотечка из Оклахомы самолично обошла город и собрала полторы тысячи. Впору было задуматься о строительстве нового госпиталя – не хижины, а нормального деревянного дома, с кроватями и тюфяками, с настоящей лабораторией и маленькой операционной. И выписать из Штатов хотя бы одного хирурга, опытного врача.

Отец Дэниел начал сдавать. Он уже не мог достоять службу, два мальчика-туземца поддерживали его под руки. Проказа распространилась на лицо, зрение таяло, гулкий голос стал невнятным, скрежещущим. И узлы на руках и ногах побледнели. Опытная Марианна знала, что этот признак сродни «маске Гиппократу» – священнику оставалось недолго. Еще два раза она пробовала переубедить отца Дэниела и всякий раз получала епитимью – пастырь хотел до конца разделить участь паствы. Тяжесть ноши пригибала Марианну к земле. Еще недавно она ощущала себя юной и полной сил, теперь же держалась исключительно на молитвах. В минуты слабости монахиня доставала зеркальце, разглядывала исчерченное ранними морщинами лицо, а затем открывала секретную крышечку, чтобы полюбоваться на старую фотографию. *Он* никогда не состарится. И не придет в царство Аида. И не будет решать – кому жить долго и счастливо, избавленным от проклятия, а кому разлагаться заживо.

...Самоубийство Таианы потрясло общину. Девушку любили все в поселении, от мала до велика. Она сохранила здоровье, была отзывчивой, доброй, милой и могла бы взять себе любого мужа. Но предпочла прыгнуть вниз со скалы Камаку и разбиться об острые камни. Осматривая тело, Марианна поняла причину – страшную, глупую ошибку застенчивой девушки. Витилиго – безобидное и загадочное заболевание, при котором по телу идут белые пятна. Даже в Библии упоминается схожий симптом. Но Таиана едва умела

читать и вряд ли смогла бы сопоставить цитату из скучнейшей книги Царств и собственную болезнь. И предпочла умереть до того, как «проказа» заберет свежесть и красоту.

Хоронить самоубийцу на кладбище по закону не полагалось. Отец Дэниел конечно бы отыскал выход, но он трое суток лежал в горячке. И жители проводили девушку как островную принцессу – усыпанное цветами каноэ с пробитым дном ушло в лагуну на радость акулам и демону Тангароа. Как водится на похоронах, юноши и девушки плясали и пели, потрясая гирляндами, сплетенными из душистых лахуа, люди постарше играли на барабанах и дудках, без усталости отстукивали такт ладонями. Многие плакали, но тут же переставали – чем горше рыдать по покойнику, тем тяжелее ему спускаться в мир мертвых. Марианна обратила внимание на Аиту – юноша прыгал выше всех и пел громче других, его лицо застыло керамической маской идола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.